

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

Я – бронбойщик

ИСТРЕБИТЕЛИ ТАНКОВ

Владимир Николаевич Першанин

Я – бронебойщик.

Истребители танков

Серия «Война. Штрафбат.

Они сражались за Родину»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7270776

Я – бронебойщик. Истребители танков/ Владимир Першанин: Якуз:

Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-71340-0

Аннотация

НОВЫЙ фронтовой боевик от автора бестселлеров «“Зверобой” против “Тигров”» и «Командир штрафной роты». Первый роман об одной из самых опасных воинских профессий – истребителях танков.

«Ствол длинный – жизнь короткая» – так говорили на фронте о расчетах противотанковых пушек. А у бронебойщиков продолжительность жизни была еще меньше. Противотанковые ружья системы Дегтярева и Симонова массово появились на передовой в самый тяжкий период войны, в конце 1941 года, когда катастрофические потери артиллерии вынудили сделать ставку на это простое, дешевое оружие. Но за каждую победу,

за каждый уничтоженный танк расчеты ПТР платили большой кровью. Чтобы подбить немецкий танцер хотя бы в борт, бронебойщикам нужно было подпустить его на 100–200 метров, тогда как танковые экипажи могли безнаказанно расстреливать ПТР издалека, с больших дистанций. Шансы истребителей танков еще уменьшились на второй год войны, когда гитлеровцы резко усилили защиту своей бронетехники, – теперь противотанковые ружья не брали немецкую броню даже в упор, приходилось стрелять по гусеницам, бензобакам, смотровым приборам и даже по стволам танковых орудий, а потом добивать поврежденные панцеры гранатами и бутылками с зажигательной смесью...

Эта книга – дань памяти смертников Великой Отечественной, ценой собственных жизней выполнявших беспощадный приказ: «Главное – выбить у немцев танки!»

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	22
Глава 2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Владимир Першанин

Я – бронбойщик.

Истребители танков

© Першанин В. Н., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*** * ***

Предисловие

Март 1942 года ...

Осевший снег скрипел под локтем шинели. Массивное противотанковое ружье ПТРД, стоявшее в выемке бруствера, сейчас кренилось в одну сторону. Кажется, правая сошка от моей возни ушла слишком глубоко в снег.

Ничего удивительного, играли нервы. Я, младший сержант Андрей Коробов, командир бронебойного расчета, первый раз вступал в бой с вражескими танками. В шинели, несмотря на мороз, было жарко. Мешал одинокий куст, который маячил на мушке, мешал целиться. Кроме того, елозил по дну окопа обледеневший валенок, не давая нужной устойчивости.

До ближайшего танка – это был чешский Т-38 – становилось метров четыреста. Немного отставая, шел еще один «чех».

Вначале машины двигались прямо на окопы нашего отделения, состоявшего из двух противотанковых ружей и ручного пулемета Дегтярева. Командовал нами сержант Травкин, мой старый товарищ по учебному полку и недолгой службе в роте ПТР. Мы оба знали, что четыреста метров – расстояние далековатое для наших ружей. Михаил махнул мне рукой, чтобы я не торопился. Я кивнул в ответ.

Оба танка слегка повернули влево и устремились на пози-

ции седьмой роты. Как не мудрили командиры, спешно строя оборону, но между батальонами явно обозначилось разряженное пространство.

Немногочисленная артиллерия полка – батарея «сорокапятков» и батарея легких трехдюймовых пушек – была в основном сосредоточена на флангах. Считалось, что основная линия обороны неплохо защищена пехотой и противотанковыми ружьями. Недавно поступило пополнение. Каски и стволы винтовок торчали через каждые несколько шагов. Пулеметов, в общем, тоже хватало. Хотя большой ли толк от новичков с гранатами и бутылками «горючки», когда на них прут танки?

Кажется, эти два Т-38 пройдут мимо нас. Я ощущал, как сильно бухает сердце, а спина взмокла от ожидания. Оба танка двигались довольно быстро, стреляя на ходу из пулеметов и орудий. Если продолжат путь в этом направлении, их встретит огнем короткоствольная полковая пушка. Не бог весть какая защита, но все же артиллерия с бронебойными снарядами. Броня у Т-38 всего 25 миллиметров. «Полковушка» возьмет ее за полверсты. Ну, катите, не сворачивайте!

Так загадывал я, и того же наверняка желали Михаил Травкин, наши помощники и расчет «дегтярева» во главе с конопатым суетливым Родионом Шмырёвым. Но оба танка вдруг круто развернулись, выбросив на полном газу облако снежного крошева и дыма. Теперь, увеличив скорость, они шли прямо на нас.

Чешские Т-38 считались легкими танками. На занятиях в учебном полку о них отзывались с пренебрежением, как и о большинстве вражеской техники. Пушка калибром всего 37 миллиметров, броня так себе, двигатель карбюраторный, работает на бензине, который легко воспламеняется.

Однако я отчетливо ощущал, что даже девять тонн головной машины сотрясают землю, а танки увеличиваются по мере приближения до огромных размеров. Звонко хлопнуло ружье в окопе сержанта Травкина. Рановато... А потом будет поздно.

– Стреляй, – шептал мой второй номер Гриша Тищенко. – Раздавят они нас, и «полковушка» чего-то молчит.

И совал мне под нос новый патрон, хотя ружье было заряжено. Я выдохнул, и палец сам собой надавил на спуск. Удивительно, но отдачи я не почувствовал, хотя она буквально отбрасывает стрелка назад.

Куда ушла пуля, я не разглядел. Затвор открылся автоматически, выбросив дымящуюся гильзу. Тищенко сунул новый патрон и потянулся за другим. Танк отреагировал выстрелом из пушки. Снаряд взорвался с недолетом, фонтан снежных комьев и свист осколков заставили нас пригнуться.

Снова выпрямившись, оглянулся на окоп Михаила Травкина. Там плясали брызги мерзлой земли и снега. Пулемет с танка работал вовсю. Господи, куда же целиться? Разве это легкий танк? Целая громадина, окутанная вспышками огня. Немецкие танкисты сами показали цель. Делая быстрый по-

ворот, ближний ко мне Т-38 повернулся боком.

Я забыл наставления, плакаты, где красными стрелками указывались наиболее уязвимые места этих танков. В глаза бросились крупные и мелкие колеса, пружины, скопление лязгающих крутившихся деталей. Я вел огонь по вражескому танку впервые. Но сыграли свою роль многочисленные занятия в учебном полку, а особенно появившееся откуда-то чутье: «Бей сюда!» Зеленый огонек трассера рассыпался искрящимися брызгами между задних колес.

Танк прошел несколько метров, не сбавляя скорости. Но в ходовой части что-то хрустело, лопалось, отвалилась небольшая железяка.

Машина вдруг остановилась как вкопанная, дернулась, сумела проползти пару метров и замерла на месте. Сразу с удвоенной силой заработали оба пулемета, захлопала пушка в лихорадочно вращающейся башне.

– Бей еще! – кричал помощник Гриша Тищенко.

Снаряд взорвался совсем рядом, забив уши звоном, на голову обрушился ком снега. Невольно нырнули в окоп, а когда высунулись, увидели – танк дымит.

Башня уже не вращалась, виднелась пробоина от снаряда, а из люков лезли танкисты. Они сделали это вовремя. Полковая «трехдюймовка» всадила еще один снаряд в башню, и очередного танкиста буквально вышвырнуло наружу. Глухой шлепок, и тело неподвижно замерло на земле. Это был враг, но от такого смертельного шлепка мне стало не по себе. Те-

ло переломало и сплющило, сорванная круглая каска, звеня, катилась по льду.

– Наш танк добивают! – возбужденно кричал Гришка.

– Второй идет...

До второго Т-38 оставалось не больше сотни метров. Было непонятно, как быстро он сближался с нами. Из-под гусениц летели фонтаном мелкие и крупные комья снега, перемешанного с прошлогодней травой. Я выстрелил, не успев толком прицелиться.

Расчет Травкина и пулеметчики уже нырнули в окоп, следом мы с Тищенко. В тот период еще не было принято рыть траншеи, большинство бойцов сидели в своих индивидуальных окопах. Принять какое-то коллективное решение не было возможности. Господи, как он ревел, этот Т-38, перемазывая через окоп Миши Травкина!

Не, это не легкий танк, а громадина, от которой трясется земля, внутренности, и хочется забиться в нору поглубже. В нише лежало штук шесть противотанковых гранат. РПГ-40. Знаменитые «ворошиловские килограммы», каждая весом 1200 граммов. По заверениям командиров, способные проломить днище немецкого «панцера» или разорвать гусеницу. Но я и Гришка про них забыли.

Клубился дым отработанного бензина, мотор урчал и ревел, словно пожирал кого-то, трещали пулеметы. Я все же высунулся и увидел, как танк вращается, вминая гусеницами окоп Травкина и его помощника. Он же их раздавит, сплю-

щит! Я наконец вспомнил о гранатах. Ниша, где они лежали, обвалилась. Нашарил одну из них, вытер о рукав, отогнул усики и выдернул кольцо.

Теперь тяжеленная РПГ-40 конструкции Пузырева становилась опасной, как гадюка, и могла взорваться при малейшем толчке. Надо срочно бросать, но для этого необходимо встать во весь рост. Считаю, под пули.

Чтобы решиться на это, понадобилось пять-шесть секунд. И еще мне показалось, что я слышу крики о помощи. Миша Травкин был родом из-под Пензы, почти земляк, и сейчас эта железная паскуда убивала его. Танк лупил сразу из двух пулеметов и не давал много времени, чтобы хорошо прицелиться. И все же я швырнул РПГ изо всех сил, даже привстав на носок.

Башня с массивным командирским люком и пулеметом справа от пушки крутанулась в мою сторону мгновенно. Ствол пулемета (у них ленты по 250 патронов) сверкал непрерывными вспышками. Я успел брякнуться на дно окопа, следом полетел сметенный густой трассой бруствер.

Не знаю, кто командовал этим Т-38. Наверное, какой-нибудь ушлый фельдфебель, хорошо повоевавший. Моя граната, не долетев метров трех, все же встряхнула танк. Он сумел бы достать меня из своего орудия, но короткоствольная полковая пушка калибра 76 миллиметров, которая подожгла первый танк, показалась немцу более серьезной опасностью, чем загнанный в окоп долговязый русский сержант.

Он вложил в нее два снаряда. Пушку встряхнуло, раскидало расчет. Но калибр танкового орудия был слишком мал (снаряд весил всего 650 граммов). Чтобы вывести из строя полковую «трехдюймовку», требовалось прямое попадание.

Немецкий механик-водитель, забыв про все, яростно крутил машину, смешивая с землей окоп сержанта Травкина и его помощника. Торчало согнутое пополам потивотанковое ружье. Немец слишком увлекся, желая раздавить, намотать на гусеницы тела русских.

На какое-то время танк стал неподвижной мишенью и вполне мог поймать снаряд из поврежденной, но еще способной вести огонь «полковушки». А тут еще сержант (то бишь я), который мог бросить следующую гранату.

Это понял командир танка и заставил механика оставить в покое уже раздавленный окоп. Машина тяжело выползла из месива размочаленной земли и снежной каши. Ненависть немецких танкистов невольно передалась мне. Я отыскал еще одну гранату и, очистив ее от грязи, приготовился бросить, не задумываясь, долетит она до цели или нет.

В этот момент чертов Т-38 все же всадил фугасный снаряд точно в щит нашей пушки. Ее подбросило, разорвало, как картонку щит, раскидало остатки расчета.

Я швырнул гранату, но экипаж Т-38 не дал мне даже размахнуться. Башня мгновенно развернулась в мою сторону, а пулемет обрушил плотным пучком пуль остатки брестера.

Из окопа неподалеку вел огонь станковый пулемет, отсе-

кая пехоту. Танк разбил его двумя выстрелами из пушки. Я чувствовал всем телом, что сейчас немец движется к нашему окопу. Тщетно шарил в рыхлой земле пополам со снегом, пытаясь отыскать еще одну гранату. Гриша Тищенко смотрел на меня полуобморочными глазами и ничего не соображал. Но Т-38 почему-то обошел нас стороной.

Возможно, фельдфебель приказал механику: «Не приближайся к этой норе, а то словим гранату или бутылку с «молотовским коктейлем». Пехота их добьет».

Но, оглянувшись вокруг, танкисты увидели, что дела обстоят не так удачно, как они рассчитывали. На левом фланге атаку отбили.

Там дымил более мощный танк Т-3 с поврежденным двигателем и пробойной в башне. Его буксировал подальше от русских позиций другой Т-3, а бронетранспортер «Ганоман» пятился, огрызаясь огнем двух своих пулеметов. Подбитый танк обстреливало целое отделение бронебойщиков. Несколько зажигательных пуль угодило в двигатель, который вскоре вспыхнул. Горевший танк срочно отцепили и оставили неподалеку от наших позиций.

Тем не менее Т-38 на участке второго батальона продолжал наступать и приблизился к линии ротных окопов. Из них выскакивали бойцы, бежали к редкой березовой роще. Пулеметы свалили несколько человек, но с правого фланга ударили две «сорокапятки».

Стреляли они издалека, однако снаряды летели довольно

точно. Один взрыхлил снег возле гусениц и ушел рикошетом в трех шагах от танка. Другой прошел совсем рядом.

Командир танка дал приказ прекратить атаку. Если отступает командир взвода на своем Т-3 с более толстой броней, то легкому Т-38 здесь тоже делать нечего. Двигаясь довольно быстро задним ходом, чешский танк продолжал обстреливать окопы, прикрывая отступающий пехотный взвод. По пути он хотел всадить снаряд в окоп, откуда в него бросали гранаты, но подстегивал огонь «сорокапятков».

Я растолкал Тищенко и стал перезаряжать ружье. Патроны были облеплены землей. Пока протерли несколько штук, Т-38 развернулся и успел уйти метров на двести пятьдесят. Я выстрелил вслед дважды, кажется, промахнулся. Машина отступала быстро, делая зигзаги, да и сказывалось напряжение.

Стал целиться снова, но из низины вынырнули трое немцев в длинных теплых шинелях. Почему они задержались – непонятно. Расстояние до них было метров восемьдесят. Я, не раздумывая, пальнул в ближайшего, стрелявшего на ходу из автомата. Немец упал, но тут же вскочил. Гриша Тищенко совал мне новый патрон:

– Уйдет, бля... Бей гада!

Забыв про танк, впрочем, он ушел уже далеко, я выпустил по фрицам еще две пули. Но они бежали так быстро, что я не успевал ловить их в прицел. Да и бестолковое это занятие, палить из противотанкового ружья по убегающим

немцам. Наверное, я и Гришка не пришли в себя после рева моторов, пулеметных очередей в упор. Зато опомнилась шестая рота, за которой было закреплено наше отделение. Поднялась стрельба, заработали сразу три пулемета, хотя фрицы уже скрылись.

Неподалеку горел танк, растапливая вокруг себя снег. Что-то шипело, пахло горелым мясом.

– Снаряды, кажись, шипят, – вглядываясь в огонь, опасно предположил Гриша Тищенко.

– Они уже взорвались, – ответил я. – Это немецкий танкист поджаривается. Идем наших откапывать.

Когда вылез из окопа, увидел среди редких кустов краснотала убитого немца в длинной шинели. Может, я в него угодил? Хотелось глянуть, но к нему за трофеями уже бежали бойцы из шестой роты. А нам надо было срочно откапывать товарищей, которых так ожесточенно давил немецкий танк.

На тело командира отделения Михаила Травкина было жутко смотреть. Облепленного мокрой землей и снегом, сержанта измяло и раздавило, голова ушла в плечи. Когда сняли сплюсненную каску и шапку, то ушанку я сразу надел на место. Треснул, вскрылся череп. Шапка хоть как-то прикрывала месиво спутанных волос, крови и еще чего-то серого.

Второй номер расчета уцелел, но был словно не в себе. Его трясло, из носа тянулась черная застывшая струйка. Помогать нам не пытался, а молча лез из окопа, барахтаясь в месиве земли и снега, пропитанном кровью.

Мы помогли ему вылезти и усадили в запасной окоп. Там хоть не так задувал ветер, который мы ощутили только сейчас. Тело сержанта отнесли подальше. Я достал из кармана документы, письма, складной нож и кисет с махоркой. Кисет был мокрый, я отбросил его.

– Пригодится, – тут же подобрал махорку Тищенко. – Чего разбрасываешься? Без курева сидим.

Подошли, глянули на вражеский танк. Сейчас он не казался страшным. Осел, башню сковырнуло на край опорной плиты. Один танкист догорал, и уже не шипел, превратившись в обугленное подобие человеческого тела.

– Второй внутри остался, – тыкал пальцем в черное отверстие под башней пулеметчик Шмырёв. – А двое смылись.

– Чего ж ты их не подстрелил? – спросил я.

– Пулемет заело. Диск выпустил, а запасной после первой же очереди замолк. Затвор ни туда ни сюда. А танк ты хорошо подковал. Если бы не остановил, пушкарки могли и не попасть.

Здесь же толпились с десятков красноармейцев. Один из них уже повесил на плечо трофейный автомат. Мне бы он пригодился больше, потому что таскать двухметровое ружье и одновременно винтовку было неудобно.

– Дырки от нашей пули в мертвяке не видел? – спросил я у бойца.

Тот, видимо, опасаясь, что я заберу автомат, отошел на несколько шагов.

– В нем много дырок. Из пулемета, наверное, засадили.

Я хотел сбегать и глянуть, чьи пули достали автоматчика, но появился командир роты лейтенант Ступак. Небольшого роста, головастый, в шапке-кубанке. Его сопровождал ординарец с автоматом. Тоже осмотрел танк, затем повернулся ко мне:

– Ты почему из своей кочерги по фрицам, а не по танку стрелял?

– Автоматчики слишком близко подобрались, – ответил я. – А винтовку землей завалило.

– Против живой силы противника, – грамотно заметил Ступак, – у тебя «дегтярев» в отделении имеется. Или его тоже землей засыпало?

Подводить не слишком опытного пулеметчика Родьку Шмырёва я не стал.

– Есть «дегтярев», только тут такая каша заварилась. Погиб командир отделения товарищ Травкин, а помощника сильно контузило.

– Он погиб, а ты что в это время делал?

Ступак не был моим непосредственным начальником. Просто отдельную роту противотанковых ружей вместе с имевшимися у нас пулеметами распределили по батальонам. Наше отделение попало в шестую роту второго батальона.

– Мы в это время стреляли. Этому танку в ходовую часть пулю вложили. Он сразу встал, и пушкарки его подожгли.

– Ты к артиллерии не примазывайся. Что-то я ваших про-

боин не вижу. Вон две дырки от трехдюймовых снарядов, а ваши где?

Я ничего не ответил, только поглядел на лейтенанта, вытер пот со лба и отвернулся. Тянуться перед ним после боя с танками и гибели товарища я не собирался. Ступаку мой взгляд, как бы свысока, не понравился. Я был ростом сто восемьдесят, а ротный – сто шестьдесят с небольшим.

– Правда, попали, – влез в разговор Гришка Тищенко. – Сам видел, как мелкие железяки брызнули. Он дернулся, встал, тут его из пушки и доби́ли.

Покачивая перед моим носом коротким пальцем, ротный выговаривал, будто не слыша Тищенко:

– Первый танк упустили, второй могли бы взять. Промазал, а потом по пехоте стрельбу бронебойными пулями устроил. Ладно, приводите в порядок окопы. Ружье у вас одно осталось, зато гранаты есть. Быть наготове.

Лейтенант был раздражен. Подбитый танк припишет себе командир батареи полковых «трехдюймовок». А рота Ступака застрелила единственного немецкого автоматчика, потеряла «максим», шесть человек убитыми и восемь эвакуировали в санбат. Да еще люди от танка убежать кинулись. Комбату, конечно, все доложат, и тот ткнет его носом в «умелое руководство».

Если бы ротные бронебойщики сами танк подбили, все было бы нормально. Но, кроме паники да пустой стрельбы, хвалиться нечем. За потери с него спрашивать не станут, по-

думаешь, четырнадцать человек убили. Не принято в Красной Армии за потери ругать. А за упущенный танк комбат подковырнет обязательно.

Когда отошли подальше, ординарец на раздраженную ругань лейтенанта деловито возразил:

– Ну, ей-богу, товарищ лейтенант, чего душу себе трави-те? Атаку отбили, запишем танк с экипажем себе плюс авто-матчика. Еще пять или шесть раненых фрицы с собой уво-локли. Не так плохо и воевали.

Вскоре пришел наш непосредственный начальник, стар-ший лейтенант Зайцев Тимофей Макарович. Он готовил нас в учебном полку, а позже, когда формировали отдельные ро-ты противотанковых ружей, был направлен на фронт во гла-ве одной из рот.

Зайцев другой человек. Полная противоположность Сту-паку. Сняв шапку, постоял над телом Михаила Травкина, за-тем осмотрел сгоревший танк. Металл немного остыл. При-близившись, сразу разглядел попадание бронебойной пули и похвалил меня:

– Врезал, куда надо, молодец. А чего второй танк упустил? У Т-38 броня слабоватая, мог бы насквозь просадить.

– Растерялся, – откровенно признался я. – Рев, грохот, снаряд рядом взорвался. Из пулеметов весь бруствер снесли, едва нырнуть с Гришкой успели.

– Бывает. Считайте, для вас сегодня крещение. Первая стычка с «панцерами». Можно их бить?

– Можно, товарищ старший лейтенант, – вразнобой, без особой бодрости отозвалось поредевшее отделение.

Все невольно поглядывали на смятое тело сержанта Травкина. Страх еще не прошел. Зайцев осмотрел заклинивший ручной пулемет, покачал головой:

– Родион, я ведь тебя предупреждал. Перегрел «дегтярева». Одной очередью диск выпустил?

– Может, двумя...

– Думай головой. Выбей гильзу и хорошенько прочисть ствол. Ты же прикрытие для бронебойщиков!

Оглядев еще раз отделение и, уловив унылый настрой бойцов, сообщил, что не так все и плохо. Полк атаку отбил. Сожгли два танка и броневомобиль. Первый батальон уничтожил полтора десятка фашистов.

– А наших сколько погибло? – вырвалось у меня.

– Потери есть, – смешался Зайцев. – На то и война.

В течение недолгого боя полк потерял более сорока человек убитыми. Хотя атака была так себе: четыре танка, несколько бронетранспортеров и не больше батальона немецкой пехоты. Нахрапом полезли, надеясь на свои танки. Но ничего не получилось.

– Нам бы еще одно ружье вместо разбитого, – кивнул я на согнутое дугой ПТР покойного Травкина.

– В ближайшие дни не обещаю. Обходитесь, чем есть. Гранаты и бутылки с КС (горючей жидкостью) старшина принесет. А ты, Коробов, принимай должность командира отделе-

ния.

– Есть, – козырнул я.

В небе поднималось мартовское солнце, но подмораживало крепко и, не переставая, дул холодный, совсем не весенний ветер. В качестве командира отделения я проверил окопы, приказал почистить все оружие и патроны для противотанковых ружей. После выстрела гильзы иногда раздувает, а если попадет земля, хоть молотком по затвору бей.

На подбитый Т-38 пришел поглазеть комсорг полка Валентин Трушин в овчинном полушубке и планшетом. С немецкой стороны полетели первые мины, месть за неудачную атаку и понесенные потери. Комсорг, имевший звание политрука, поспешил убраться, наскоро похвалив бронебойщиков.

– Катись, катись, – желчно пробормотал вслед ему Родион Шмырёв. – Жаль, раньше тебя здесь не было. Обосрался бы, точняк.

Начинался обычный день долгой, пока не слишком удачной для нас войны. Март сорок второго – тяжкое время. Хотя и дали немцам по зубам под Москвой, но дела на фронтах неважные. Наступление под Москвой выдохлось, Ленинград по-прежнему в блокаде, а немецкие войска наносят удары то в одном, то в другом месте.

Глава 1

Мы не ждали войны

Оглядываясь назад, вспоминаю – мы не слишком задумывались, будет война или нет. Хватало других забот, жизнь в селе была не легкая, работа с утра до вечера. А женщины вообще в четыре утра вставали, на утреннюю дойку или печь хлеб для всей семьи.

Наша большая семья: мать с отцом, дед с бабушкой и пятеро детей – жила на кордоне. Или на Выселках, как чаще называли маленький хуторок, расположенный в шести верстах от нашего родного села Гремячино. В селе жили до двадцать девятого года. Потом пришлось переселиться на кордон.

Мой отец, Василий Иванович Коробов, как я считаю, был человеком незаурядным, энергичным. Не помню, сколько классов он закончил, но имел трезвый, рассудительный ум. Читал газеты, иногда книги, к которым приучил и меня. Вместе с небольшой бригадой отец с ранней весны и до заморозков занимался строительством домов, коровников в нашей Ульяновской и соседних областях. По деревенским понятиям, зарабатывала бригада прилично.

Зимой он тоже не сидел без дела, занимался всяким ремонтом, делал сани, телеги. Вместе с ним работал мой старший брат Антон. Хоть и хорошие в большинстве люди живут

в деревне, но зависть портит людей сильно. Смешно сказать, всякой ерунде завидовали. Привез отец из города зеркало и швейную машинку, соседи зашептались – разбогател Василий Иванович, кулаком сделался.

В семье трое сестреноч, мы с братом да деду за семьдесят. Как бы старательно отец ни трудился (мама занималась хозяйством и детьми), но многое мы позволить себе не могли. Мясо – по воскресным дням и праздникам, селедка – за лакомство, а основная еда – картошка. Как все дети, мы любили сладкое, но конфеты видели редко, да и чай пили слегка подслащенный.

Сахар считался дефицитом, и купить его можно было лишь в городе. Правда, хлеба до поры хватало. Пекли сами в русской печи на капустных листьях. Когда мама вынимала подрумяненные, только что испеченные круглые ковриги, по избе такой аппетитный дух шел!

До сих пор вспоминаю наши ранние семейные завтраки, слюна набегает. Хрустящий ноздреватый хлеб, кружка молока, ничего вкуснее не надо! Имелась у нас корова, лошадь, штук пять овец да куры. Иногда разводили гусей, но с ними было много возни. В общем, жили средне.

Когда началась коллективизация и крестьян стали сгонять в колхозы, на отца крепко нажали. Строители и в своем селе требуются, а ты по чужим краям мотаешься, деньгу сшибаешь. Пригрозили отобрать приусадебный участок, даже дом. Уже вовсю шло раскулачивание. Середняков, вроде нас, то-

же прижимали.

Помню, так сильно увеличили налог на молоко, что нам почти не оставалось. Если раньше мы откармливали каждый год поросенка, то сейчас едва не половину мяса требовалось сдавать в доход государства. А председатель колхоза (уличная кличка Опенок) обещал, потрясая кулаком:

– Еще не то будет! Всех вас, кровососов, к ногтю прижмем.

Опенок крепко запивал, в хозяйстве не разбирался. Дурная получалась коллективизация. Зерно свезли по приказу в большой амбар, отпраповтали в район о выполнении и забыли. Там оно за зиму почти все сгнило.

Уход за общественным скотом велся через пень-колоду. Бабы плакали, когда подыхали на колхозной ферме их издавшие коровы.

Отец, понимая, что в покое нас не оставят, был согласен вступить в колхоз – ему обещали бригадирскую должность. Но заупрячилась мама – не хотела отдавать в коллективное стадо корову и бычка, не говоря уже о лошади. Чтобы от нас отстали, переехали на кордон, где требовалась должность помощника лесничего.

Отца взяли охотно, зная, что он работник добросовестный и честный. Жалованье положили просто смешное, но в колхозе и того не платили, а здесь сами себе хозяева. Когда уезжали из села и заколачивали досками окна в доме, вся семья плакала. Но деваться некуда.

На кордоне, кроме лесничего и нас, жили еще две большие семьи, беженцы из Крыма. Место было глухое, кругом лес, дорога до села кое-как накатанная, да две речки надо вброд переходить. Весной в период разлива жили как на острове. Речки хоть и мелкие, но бурливые.

У детей на кордоне образование обычно заканчивалось после четвертого или пятого класса. В школу начинали ходить тогда с восьми лет, а в двенадцать-тринадцать и мальчишки, и девки уже всюду трудились по хозяйству. Отец хотел, чтобы мы получили образование. Провожал нас, переправлял на лодке. В результате я и сестра Таня закончили по шесть классов. Неплохо для такого глухого места.

Года два я помогал отцу, пас скотину, работал на сенокосе. Затем меня заметил бригадир лесорубов. В шестнадцать лет я был рослым и физически крепким. Предложил пойти работать на лесозаготовки. Предприятие (или артель) считалось государственным, мне срочно выписали паспорт, и я стал трудиться наравне со взрослыми мужиками.

Хвалиться не буду, но я всегда брал пример с отца. Не пил, старался работать на совесть и вскоре стал числиться в передовиках. Начальник лесоучастка помог закончить мне заочно седьмой класс и обещал дать направление в техникум.

В то же время я не хочу приукрашивать нашу жизнь. Очень не сладко порой приходилось. Умерла от сильной простуды младшая сестренка. Надеялись вылечить домашними средствами: горячим молоком с медом, дышать горячим па-

ром над картошкой. Когда поняли, что дело плохо, кинулись за фельдшером. Пока перебрались по весеннему тонкому льду да уговорили фельдшера прийти к нам, сестренка умерла.

Старший брат Антон, которого отец очень любил, вдруг заявил, что нашел невесту, хочет жениться и переехать в село. Все можно было решить по-мирному, но Антон хорошо выпил, заявил, что больше не хочет жить в лесу, как бирюк. Нас, жителей кордона, действительно называли бирюками и поддразнивали.

Отец попросил подождать до зимы, но Антон, которого торопила невеста, твердил, что ему надо успеть до холодов привести в порядок дом. Отца крепко задело, что сын самовольно распоряжается семейным домом в селе, и они крепко поругались. Антон просто сбежал, прихватив лишь свою одежду.

Без Антона сразу стало пусто. Он был добродушный парень (лет на семь старше меня), хорошо пел, мы все любили его. Отец с матерью сходили в Гремячино, помирились с Антоном и познакомились со сватами. Сыграли свадьбу. Там я первый раз целовался с девушкой, даже ходил пару раз на свидание.

Село по сравнению с нашим крохотным поселком казалось мне веселым, уютным местом. Я решил, что тоже уеду в Гремячино или в райцентр. Антон стал работать в колхозе. Жили они бедновато, но я видел, брат любит свою жену, а

это главное.

Моя мечта уехать так и не осуществилась. Умер дед, мы с отцом остались единственными кормильцами в семье. Как бросить маму и сестренку? Сестрам перед войной лет по двенадцать-тринадцать исполнилось. Заработки в семье были уже не те, хоть и не голодали (выручали лес и огород), но семья пообносилась, дом требовал ремонта.

И тут война. Как обухом по голове. Если разобраться, чего мы знали об окружающем мире? Много говорили о Гражданской войне в Испании. Наизусть выучил стихотворение «Гренада» Михаила Кольцова. Оно брало за душу. Никто не задумывался, зачем надо ехать в Испанию, раздавать землю беднякам, если у нас самих с этой землей толком не справлялись.

Пролетела Финская война, в которой погибли и поморозились несколько человек из Гремячино и окрестных сел. Финляндию мы победили, хотя, по слухам, погибли там тысячи бойцов Красной Армии.

Деревня в политику сильно не вникала. Можно было нарваться на неприятности, да и работали все с утра дотемна.

Когда-то Гитлера ругали, а Германию называли фашистской. Звучали имена борцов за свободу Эрнста Тельмана и Клары Цеткин. Потом немцы стали друзьями, в газетах исчезли карикатуры на Гитлера, а злейшими врагами стали Англия и прочие страны капитала, где нещадно мордуют рабочий класс.

Ну, а мне какая политика? Рабочий день на лесозаготовках длился часов десять. Порой ночевать домой не приходил, чтобы не шагать по снегу три или пять километров после тяжелой смены. Оставался вместе с другими в конторе, где имелось небольшое общежитие.

Кроме воскресенья, 22 июня 1941 года, когда Молотов объявил о нападении на нас фашистской Германии, запомнился понедельник, 23 июня, первый день призыва. В тот день из райцентра привезли несколько десятков повесток.

Пиликали гармошки, плакали женщины, а пьяные компании ходили в обнимку по деревне. Стучали кулаками в грудь, грозили насадить фашистов на штыки, а из репродуктора неслись берущие за душу слова новой песни «Вставай, страна огромная...». Я все это видел, потому что всей семьей пришли провожать Антона. Жена у него готовилась рожать второго ребенка. Кричала на проводах, как по покойнику.

– Да не плачь ты, Надя, – успокаивал ее Антон. – Война недолгой будет.

Долгой – недолгой, а немцы продвигались вперед быстро. Все это объяснялось в газетах вероломным и неожиданным нападением. К началу сентября немцы захватили сотни километров советской территории. Взяли такие крупные города, как Минск, Витебск, Смоленск, Чернигов. Сильные бои шли на подступах к Киеву.

От брата, да и от большинства деревенских парней вестей почти не приходило. В первые недели написали по од-

ному-два письма, некоторые выслали фотокарточки в военной форме – и тишина, будто в омут канули. В августе был призван отец. Тоже прислал пару писем, и долгое молчание.

Мне исполнилось двадцать лет в мае сорок первого, но я пользовался отсрочкой от призыва, как работник оборонной отрасли. Длилось это недолго. В сентябре получил повестку и был призван в Красную Армию.

Два месяца учился в Инзенских лагерях в учебном полку на пулеметчика. Строевая подготовка, уставы, политзанятия, строили бараки – казармы для новобранцев. Стреляли из боевых винтовок всего один раз – три патрона на человека.

– Много мы чему научимся, – бурчали недовольные парни. – Поэтому и бьют нас немцы.

Политработники убеждали в обратном. Фашисты несут огромные потери. Наши войска, преодолев последствия вероломного нападения, наносят врагу крепкие удары. Приводились сказочные цифры немецких потерь. Но факты говорили обратное. К ноябрю бои шли на подступах к Москве, был окружен Ленинград, а линия фронта приближалась к Ростову, Туле, Калинин у – половина России под немцами.

В последних числах ноября срочно сформировали отдельную команду. В считанные дни собрали триста человек и отправили в Куйбышев (Самару). В эшелоне обсуждали, спорили, что предстоит впереди.

Приглядевшись к соседям по вагону, увидел, что выбрали парней и мужиков физически крепких, все имели образование шесть-семь классов и больше. Высказывались разные предположения:

– Может, в авиацию?

– Похоже на то. Бортстрелки на пулеметные установки. Поэтому и зрение снова проверяли.

– А может, во флот? – мечтали другие. – Там лучше, чем в пехоте. Кормят хорошо.

В товарных вагонах с печками-буржуйками мы ехали трое суток, хотя в хорошее время от станции Инза до Куйбышева езды всего один день. Пропускали эшелоны, идущие на запад, то бишь на фронт.

Те, кто постарше, держались своей компанией. Особого оживления среди них не чувствовалось. Скорее равнодушное ожидание. У старших имелись какие-то другие сведения о военных действиях. Однажды я услышал, как мужик лет тридцати пяти, не скрывая злости, делился со своими спутниками:

– На убой всех везут. Люди говорят, немцы одних пленных тысячные колонны по дорогам гонят.

Остальные в компании его поддерживали. Говорили, что у германцев сильная техника, авиация, быют они наши войска, как хотят.

– За что голову класть? – услышал я и такую фразу. – За сраные колхозы?

В общем, поголовным патриотизмом в тот период не пахло. Я вспомнил этот подслушанный разговор много лет спустя, когда узнал, что в первый год войны попали (или сдались) в плен три с лишним миллиона моих соотечественников, бойцов Красной Армии. Кроме героизма и самопожертвования было и нежелание воевать. Ничем другим не объяснишь массовую сдачу в плен красноармейцев в начале войны.

Учебный полк, куда я попал, находился неподалеку от Куйбышева. Волга, живописные Жигулевские горы, а поселок рядом с нами назывался Яблонево. Овраг.

Выяснилось, что в армию поступило новое вооружение – противотанковые ружья. Они способны пробивать броню всех немецких танков, и будущие расчеты готовят из лучших, физически крепких и смелых новобранцев.

Я попал в первый взвод первой учебной роты. Прибытие на место учебы совпало с наступлением наших войск под Москвой. Настроение будущих курсантов поначалу было приподнятое, едва не восторженное.

Во-первых, мы теперь не просто курсанты, а самые лучшие и смелые, которым доверили новейшее оружие. Немцев бьют под Москвой, и радио каждый час торжественным голосом диктора Юрия Левитана сообщало о стремительном продвижении наших войск. Освобождены города Сталиногорск, Калинин, Клин, Елец и множество населенных пунктов.

Политрук учебной роты читал сообщения об успехах Красной Армии. Только за первые пять дней контрнаступления потери врага составили 30 тысяч убитых, уничтожены и захвачены более 500 танков, 4000 автомашин, 400 орудий.

Но вскоре радостное настроение сменилось на будничные, довольно тяжкие заботы. Зима 1941/42 года не была особенно суровой. Морозы стояли за двадцать, как обычно в этих краях. Но люди по ночам мерзли. В огромной казарме размещались две роты по двести человек и топились две небольшие печи.

К утру вода в ведрах покрывалась коркой льда. Спали одетые, накрывшись, кроме одеял, потертыми шинелями второго срока. С одеждой тоже было плоховато, особенно с обувью.

Не хватало валенок. Выдавали ботинки размера на два больше, совали туда газеты, обматывали ноги двойными портянками. Впрочем, днем мерзнуть не давали – все делалось бегом. Противотанковые ружья, запущенные в производство еще в сентябре, выпускались пока небольшими партиями. На роту выдавали одно ПТР системы Дегтярева. И в течение дня его по очереди изучали все четыре взвода.

Больше занимались по плакатам, о боевых стрельбах и речи не шло. Противотанковое ружье системы Дегтярева представляло собой странное оружие: общая длина два метра, массивный ствол с дульным тормозом, рукоятка, приклад и сошки. Все как-то примитивно, похоже на самоделку.

Но тяжелые патроны с массивными головками смотрелись солидно. Плакаты утверждали, что на сто метров пули пробивают 40 миллиметров брони, а на пятьсот метров – 25 миллиметров. Учитывая, что броня большинства немецких танков не превышала эту толщину, мы вполне могли с ними справиться. Ружье системы Дегтярева весило 17 килограммов, было однозарядным. При выстреле сильная отдача открывала затвор и выбрасывала гильзу. Вставляй следующую и снова целясь. Поэтому скорострельность этого ружья (ПТРД) была довольно высокая: до десяти выстрелов в минуту.

На вооружении армии состояло еще одно противотанковое ружье – самозарядное системы Симонова (ПТРС). Оно было такого же калибра, но имело магазин на пять патронов и обладало большей скорострельностью. ПТРС я видел только на плакате. В начале учебы ни одного экземпляра самозарядного ружья в учебном полку не было.

Как я понял, выпуск этих ружей налаживался медленно. В одних источниках говорилось, что за 1941 год было выпущено всего 600 ПТРД и 80 штук ПТРС. В других справочниках утверждалось, что за этот период выпустили 17 тысяч ружей системы Дегтярева и 77 штук ПТРС. В любом случае в конце сорок первого года противотанковых ружей в армии не хватало, но производство их увеличивалось быстрыми темпами.

Фамилию командира учебной роты я не запомнил. Кажет-

ся, это был старший лейтенант, которого я изредка видел на поверках. Он был загружен организационными и хозяйственными делами, двести курсантов – не шутка.

Зато с нами постоянно находился командир взвода лейтенант Зайцев Тимофей Макарович. Несмотря на свои двадцать восемь лет, был он наполовину лысый, по характеру спокойный и рассудительный. Может, потому, что службу начинал рядовым красноармейцем.

Затем остался на сверхсрочку, закончил курсы младших лейтенантов, участвовал в Финской войне. Оттуда вернулся с обмороженными пальцами, медалью «За боевые заслуги» и убежденностью, что мало в любой войне героического, а вот крови, грязи и животной жестокости хватает с избытком.

Много позже, уже на фронте, он поделится со мной воспоминаниями о той короткой войне.

Запомнились ему атаки по закопченному гарью рыхлому снегу. Как простуженно и хрипло кричал ротный капитан:

– Рота, слушай команду! Вставить запалы в гранаты.

Красноармейцы доставали из подсумков увесистые РГД-34, согревали дыханием побелевшие от мороза пальцы и заученными движениями быстро вставляли запалы. Затем снова надевали теплые трехпалые рукавицы и напряженно ждали главную команду:

– Рота, встать! В атаку!

Поднимались на негнущихся ногах и шли, убыстряя шаг сплошной цепью. По тогдашним уставам даже под самым

сильным огнем нельзя было залечь и на секунду. Бежали, если можно назвать бегом, запаленные скачки по снегу тепло одетых бойцов, в валенках, ватных штанах и длинных шинелях с вещмешками за спиной.

Кричать «ура» сил не оставалось. Кто-то стрелял на ходу, не целясь, старались не смотреть, как падают вокруг товарищи. Сильным был встречный пулеметный огонь, и метко били из винтовок чёртовы «лопари», готовые насмерть стоять за свою каменистую лесную землю и бесконечные озера.

Когда сближались, финны в большинстве своем рослые крепкие парни, поднимались навстречу и, не колеблясь, вступали в рукопашный бой. Запомнилось, что одеты они были по-охотничьи, легко. Форма серо-голубого цвета, но немало было в домашних коротких полушубках, ватных куртках (ополченцы) и овчинных светлых шапках.

Винтовки Мосина (финская модель), автоматы «Суоми» с круглыми дисками, похожие на наши ППД. Дрались жестоко, не уступая друг другу. Лица у финнов были похожи на русские: широкоскулые, голубые глаза, светлые волосы. Но это замечалось после боя, когда забирали у мертвых трофеи, документы.

Тимофею Зайцеву везло. И в ближнем рукопашном бою, когда успевал выстрелить или ударить первым, и в атаках, когда на снегу оставались сотни убитых.

Раза два его взвод выбивали на три четверти. Уцелевшие зарывались в снег среди кочек и камней. Терпеливо ждали

ночи, чтобы отползти. Товарищ не выдержал холода и боли в простреленной руке. С тоской глядел, как взрываются мины, находя новые жертвы и добивая раненых. Сказал Тимофею:

– Ты как хочешь, а я поползу.

– Выждем хоть полчаса, пока стемнеет, – пытался уговорить его младший лейтенант Зайцев.

Не послушался. Пополз, кое-как двигая окоченевшими ногами. Финский снайпер дал ему отползти шагов двадцать и точно вlepил пулю в голень. Стрелял, как позже выяснилось, пулей со спиленной головкой. Такая, даже если кость не перебьет, разворачивается в теле, как лепесток, и вырывает на выходе кусок мяса.

Не забыть, как захлебывался от крика товарищ. Поднялся, но тут же получил пулю в другую ногу. Через минуту кричать уже не мог, хватался за ноги, стонал, перевязать себя не смог. Да и какая повязка удержала бы две струи крови?

Затем, дав русскому помучиться, снайпер всадил умирающему пулю в лицо. Из-под суконной буденовки брызнуло что-то бурое, вязкое. Повис мутной виноградиной выбитый глаз.

Все это происходило рядом с младшим лейтенантом Зайцевым. Много всего нагляделся на той жестокой войне. А в учебный полк бронебойщиков попал не только потому, что имел к осени сорок первого немалый боевой опыт.

У финнов захватили однажды в качестве трофея самозарядное противотанковое ружье «Лахти-39» калибра 20 мил-

лиметров. Во время марша громоздкую штуковину ставили на крышу головного грузовика или на сани. Младший лейтенант Зайцев, хорошо разбиравшийся в оружии, быстро освоил его и прикрывал движение батальонной колонны.

У финнов было много хороших стрелков. Поначалу думали, что «кукушки» устраивают засады на деревьях. Когда видели подозрительную ель или сосну, Зайцев разворачивал тяжелое ружье (53 килограмма весом) и всаживал в гущу ветвей три-четыре мелких осколочно-фугасных снаряда.

Разлетались в сторону обломки веток, хвоя, взлетали с карканьем вороны. Ни одного снайпера на деревьях не обнаружили, они прятались на земле, в снегу. Но однажды снял наблюдателя на раскидистой ели, сбоку от дороги. Раза два удачно отстрелялся по дзотам. Один поджег, а в амбразуру другого закатил пару осколочных снарядов. Расчет, израненный мелкими осколками, вытащили и прикончили на месте – слишком много душ погубили эти двое, опустошая ленты старого кайзеровского пулемета МГ-08.

Ружье у младшего лейтенанта вскоре забрали в штаб дивизии для изучения, а взводный Зайцев получил медаль «За боевые заслуги» и очередное звание «лейтенант».

Повоевал немного в начале Отечественной. Был ранен, а затем направлен в учебный полк, обучать молодых стрельбе из недавно появившихся противотанковых ружей.

Сначала сам разобрался в системах. На полигоне вместе с другими командирами выпустил с десятков пуль по мише-

ням. Рассматривая издырявленную стальную плиту, убедился, что оружие сильное и может противостоять немецким танкам и броневикам.

Длинный ствол и сильный патрон неуклюжего на вид ружья помогали разгонять пулю до скорости тысяча метров в секунду, в полтора раза быстрее, чем у «Лахти-39». И прицельность была неплохая. На триста шагов всаживал четыре пули из пяти в мишень размером с оконную форточку, чему предстояло учить своих подопечных.

Но с другой стороны, тоскливо становилось при мысли, что слишком неравным будет поединок между молодыми ребятами с этими ружьями и немецкими танками, которые снесут бруствер окопа и расчет из своего орудия за полкилометра, не дав как следует прицелиться.

Но все же это было лучше, чем гранаты или бутылки с горючей смесью. Когда приходилось подпускать танки в упор, у многих красноармейцев не доставало выдержки. Бросали тяжелые гранаты кое-как, иногда сами подрывались. Другие убегали прочь, и башенные пулеметы убивали их в спину. Танкобоязнь – так это называлось. И отучать от нее бойцов тоже предстояло в самые короткие сроки.

В тот ноябрьский день сорок первого года подтаяло. Хотя отсутствием аппетита никто из нас не страдал, но овсянка, приправленная подсолнечным маслом, лезла в глотку с трудом. Нашей роте предстояло пройти обкатку танками. Нерв-

начал Гриша Тищенко, восемнадцатилетний парень из-под Пензы. Мой товарищ Федя Долгушин, с кем мы сдружились еще в Инзенских учебных лагерях, тоже ел без аппетита, уставившись в стол.

Сержант Миша Травкин, командир отделения, держался спокойнее других. Я тоже старался не думать, как через мой окоп пойдет танк, но что-то выдавало волнение.

– Страшновато, Андрюха? – спросил Михаил.

– Да так, – неопределенно пожал я плечами.

Но чай пил торопясь, насыпав порцию сахара в одну кружку, а не в две, как обычно. Чаем мы обманывали вечно голодные желудки. Разделишь горстку желтоватого сахарного песка на две кружки, и вроде брюхо полное.

Всем было в то утро не по себе. Будто в последний бой идем. «Старички», правда, держались увереннее, но я слышал, как они вполголоса переговаривались между собой:

– Выдумали! На живых людей танки пускать.

– А если окоп провалится сантиметров на тридцать? Размажет в блин.

– Делать им нечего, изобретают всякую чушь. Из ружья еще ни разу не стрельнули, а уже под танки загоняют.

Обкатка проходила следующим образом. Рота, без малого двести человек, выстроилась на полигоне в шеренгу по три человека. Наш первый взвод, как всегда, на правом фланге. Отдельно стояло начальство. В стороне на малом газу урчали два легких танка БТ-7. Легкие-то они легкие, но весят три-

надцать тонн! Хватит с лихвой, чтобы раздавить любой окоп.

Начальник штаба полка, грузный подполковник в фуражке, коротко повторил инструкции скрипучим и, как мне показалось, злым голосом. Затем дал команду:

– Приступить к выполнению упражнения!

В окоп в шинели, в каске, с двумя учебными гранатами в чехле полез наш взводный Тимофей Макарович Зайцев. Весь строй напрягся, когда один из танков, набирая ход, пошел прямо на окоп. Нас предупредили, что машина развернется над окопом, возможно, привалит нас землей и снова пойдет дальше. В этот момент требовалось швырнуть в танк обе деревянные, с металлической окантовкой, гранаты.

Но разворот начальство отменило. Решило, что хватит с нас пропустить танк над головой, почувствовать его мощь и понюхать гарь ревущего мотора. Зайцев, конечно, не подкачал. БТ зацепил одной гусеницей край окопа, посыпалась земля, а когда машина миновала его, лейтенант ловко выскочил наружу.

С расстояния десяти шагов он забросил одну гранату на трансмиссию двигателя, а вторую – под гусеницы. Затем выхватил пистолет и тремя выстрелами вверх обозначил огонь по экипажу подбитого танка. Все происходило настолько быстро и ловко, что по рядам бойцов пошел возбужденный гул.

Зайцев разрядил пистолет, подобрал гранаты и, стряхнув комки снега и земли, доложил подполковнику:

– Упражнение выполнено. Какие будут замечания?

Замечаний, конечно, не было. Началась обкатка курсантов. По росту я стоял в строю третьим, после Михаила Травкина и еще одного парня. Ребята заняли места в окопах. Видно, они волновались и держались скованно. Удивительно, но я только сейчас, когда в окопах сидели такие же курсанты, явственно ощутил, как дрожит земля под гусеницами танков.

От строя до окопов расстояние было метров тридцать, но эта дрожь явно чувствовалась подошвами ботинок. Михаила не зря назначили командиром отделения. Несмотря на высокий рост, он действовал не менее ловко, чем наш опытный взводный. Умогнулся на дне окопа, спокойно пропустил танк, затем поднялся в рост и точно вложил гранаты в корму БТ-7. Так же быстро достал винтовку и прицелился, готовый стрелять по вражескому экипажу.

Второй парень выскочил, едва «бэтэшка» перевалила через окоп. Видимо, его сильно трясло, потому что он промахнулся первой гранатой с пяти шагов, а вторую уронил на дно окопа. Достал ее, но до танка не добросил.

Я думал, что парня отчитают за неловкость, объявят «неуд». К моему удивлению, подполковник похвалил и Травкина, и его напарника. И голос у начштаба был совсем не злой, как мне показалось вначале. Парню, который растерялся, он сделал лишь короткое замечание:

– Вам, боец, надо потренироваться бросать гранаты. А

танка не испугался, молодец.

С трудом вспоминаю, как прошел обкатку я сам. К окопу шел на ватных ногах. Когда БТ стал приближаться, все заполнилось сплошным гулом, со стенок сыпалась земля. Я закрыл глаза и обхватил голову руками, по-моему, что-то бормотал.

На ноги поднялся с запозданием и гранаты швырял метров с двадцати, даже подальше. Но благодаря натренированным на лесозаготовках мышцам добросил до цели обе гранаты. Они ударились в корму танка.

Зачет наша пара сдала, но мне сделали замечание, что целиться надо в трансмиссию или в гусеницу. Кроме того, я промедлил. Но, в общем, начштаба поставил и мне и второму курсанту оценку «хорошо».

Ребята старались. Мой товарищ, Федя Долгушин, крепко сбитый, как медвежонок, поразил всех своими спокойными и точными действиями. Едва БТ миновал окоп, он вымахнул наружу и забросил гранаты точно на трансмиссию. Затем опять прыгнул вниз и, «зарядив» винтовку, приготовился стрелять по вражескому экипажу.

– Ты где так метко гранаты кидать научился? – спросил его начштаба.

– А я в нашем селе по городкам чемпион. И в учебной роте нас неплохо подучили.

Это была хитроватая похвала начальству. Заулыбались и ротный, и лейтенант Зайцев, а начштаба спросил:

– Может, это случайность. Повторить сможешь?

Лезть снова под танк Феде явно не хотелось.

– Повторить смогу, только передохнуть надо малость.

– Ладно, шагай в строй. Молодец!

– Служу трудовому народу! – четко козырнул Долгушин и зашагал на свое место.

Прошли этот необычный экзамен далеко не все. Двое курсантов выскочили и побежали прочь, когда танки пошли на сближение. Причем один боец оставил в окопе винтовку. Красноармеец из другой пары без конца высывался и едва не угодил под гусеницы. Затем вжался в дно окопа и гранаты бросить забыл.

Многие от пережитого волнения промахивались. Гранаты падали в пяти шагах от окопа или, наоборот, летели куда-то далеко в сторону.

Один из курсантов вообще испугался лезть в окоп, утверждая, что он обвалится и танк его расплющит. Ему приказали занять место в другом окопе – этих двухметровых нор мы нарыли с запасом. Едва осыпался один окоп, очередной курсант переходил в следующий.

Но боец не сумел преодолеть страх (возможно, у него было что-то не в порядке с головой) и, вырвавшись, убежал. Его отправили в санчасть, а позже отчислили. У парня действительно оказалась больная психика.

Другие сдали упражнения нормально. За целый день обкатали таким образом человек восемьдесят. В казарму рота

возвращалась оживленная. Большое дело – пройти танковую обкатку! Подкалывали Федю Долгушина:

– И отстрелялся на «отлично», и начальство подхвалил. Ну, Федька, быть тебе сержантом.

– Я не против, – посмеивался мой товарищ. – Только зубы сильно не скальте. Гляну завтра, как некоторые выпрыгивать от страха будут.

На ужин, кроме обычной каши, на столы поставили крупно нарезанную каспийскую селедку, а чай казался особенно крепким и сладким. Все детали необычного и жутковатого упражнения обсуждали вновь и вновь. Пришли к выводу, что такой и должна быть настоящая учеба.

На следующий день ожидали продолжения. Но танки из соседней части почему-то не прибыли, и учеба продолжалась своим чередом. С утра зарядка, пробежка, снова толпились вокруг единственного ружья и зубрили технические данные противотанковых ружей системы Дегтярева и Симонова.

В январе занимались метанием учебных противотанковых гранат. Рота получила несколько ручных и один станковый пулемет. Разбирали, собирали «дегтярева», старый «максим» времен Гражданской войны.

– Слушай, Андрюха, мы так ничему не научимся, – как-то откровенно высказался Федя Долгушин. – Долго нас держать здесь не будут, а мы еще ни разу из противотанковых ружей не стреляли.

В конце января началось какое-то шевеление. Пришли

противотанковые ружья. Каждый взвод получил по пять ПТРД и одному самозарядному ружью Симонова. Почти сразу начались стрельбы. Нас учили целиться в смотровые щели немецких танков, гусеницы, пробивать броню бензобаков и другие уязвимые места.

Тогда же началось формирование отдельных рот численностью по 60–80 человек. Я попал в третью роту. Туда же были зачислены Федя Долгушин, Михаил Травкин, Гриша Тищенко, Родион Шмырёв. Мы держались одной компанией и были рады, что будем вместе. И настоящим подарком для нас было назначение командиром роты лейтенанта Зайцева, который получил третий кубик на петлицы – стал старшим лейтенантом.

Нам надоела шагистика, замкнутое пространство учебного полка, откуда нас крайне редко выпускали в увольнительные. Мы рвались драться с фашистами.

Но формирование длилось почти месяц. На каждую роту полагалось 36 противотанковых ружей, а их не хватало. Если две первые роты ушли довольно быстро, то в нашей имелись всего десятка полтора ПТРД, два станковых и пять ручных пулеметов. Вскоре поступили еще штук восемь ружей. Посчитали, что этого пока достаточно.

В один из дней середины февраля нас отвезли на станцию, разместили в двух вагонах, и мы начали свой путь на фронт.

Заканчивая эту главу, я приведу оценку действий Красной Армии, которая была дана в шеститомнике истории Великой

Отечественной войны, выпущенном в шестидесятых годах. Там говорилось следующее: «С начала войны по 31 декабря немцы, по явно заниженным германским данным, потеряли 830 900 человек убитыми и ранеными».

Наши военные историки, не стесняясь, утверждали, что ряд поражений немецко-фашистских войск вызвали растерянность в немецкой армии.

«Поражение немецких войск на советско-германском фронте свидетельствовало о возрастающей мощи Советского Союза и совершенствовании военного искусства Красной Армии».

Вот такие бодрые статьи в конце тяжелого 1941 года читали мы в газетах, пока наш вагон трясся по заснеженным просторам страны. Мы ехали на юго-запад и радовались, что не на север, где гораздо холоднее.

Мы были молоды, не верили в смерть и готовы были отдать жизнь за Родину. Примерами для нас были Зоя Космодемьянская, Виктор Талалихин, Николай Гастелло. Подавляющее большинство верило в мудрость Сталина и в нашу победу.

А я получил очередное письмо из дома. Мама сообщила, что из военкомата пришла бумага: мой отец, Василий Иванович Коробов, пропал без вести.

Глава 2

Первые бои

Мы попали в один из стрелковых полков Юго-Западного фронта, который держал оборону примерно в ста километрах юго-восточнее Харькова. На нашем участке шли бои так называемого местного значения. Но соседство второго по величине города на Украине, крупного промышленного центра, создавало вокруг напряженную обстановку.

Захваченный немцами 24 октября 1941 года Харьков находился недалеко от линии фронта, и в планах командования Красной Армии наверняка присутствовало стремление снова отбить его.

В резервном полку нашу роту буквально за пару дней экипировали до полной штатной численности. Добавили сколько-то противотанковых ружей, винтовок. Некоторые командиры отделений получили автоматы. Для перевозки ротного имущества выделили две повозки с лошадьми.

И чему мы были рады – заменили ботинки с обмотками на валенки. Морозы, особенно по ночам, стояли сильные, некоторые ребята успели отморозить пальцы на ногах. Последний участок пути добирались пешком в два перехода. Начали марш вечером и топали без передышки до рассвета. Думаю, прошагали километров сорок, и дались они нам очень

непросто.

Несмотря на имевшиеся повозки, куда сложили кое-какое имущество и часть боеприпасов, загружены мы были как верблюды. Например, мы с помощником, Гришей Тищенко, кроме громоздкого ружья и полусотни увесистых патронов к нему, несли винтовки (тоже с боезапасом), по две противотанковые гранаты, противогазы и всякую мелочь в вещмешках, которой тоже набиралось достаточно.

Особенно трудно было приспособиться нести противотанковое ружье. Шагать надо было ровно, в такт, иначе оно начинало болтаться, елозить на плечах, сбивался шаг. Пробовали тащить ружье по очереди, но быстро набили синяки на плечах – вес семнадцать килограммов. Лучше уж вдвоем.

Дорога была скользкой. К концу пути все чаще спотыкались, падали. Когда нас обгоняли грузовики или санные обозы, шли по сыпучему, взбитому, как мука, снегу. Привыкнув к зимней лесной работе, портянки я наматывал плотно, зато ствол ружья натер плечо. Некоторые сильно растерли ноги и ковыляли кое-как. Без конца спрашивали:

– Скоро привал?

– Шагайте, – отвечали взводные.

Спасибо Зайцеву, давал возможность отдохнуть и перемотать портянки, хотя его подгонял представитель дивизии. Ему-то легко было шагать: полевая сумка да кобура с пистолетом.

На рассвете нас разместили в полустогоревшем коровнике

без крыши и ворот, стоявшем на окраине села.

Там имелось немного соломы, и мы провалились в сон. Проснулись от холода. Доели сухой паек, «старички» взялись было кипятить чай, но прибежал комендантский патруль и приказал срочно погасить костры. Кое-кто из наших принялся было спорить, другие молча закидали огонь снегом.

Когда патруль ушел, в укромных уголках снова разожгли огонь. Это упрямство едва не привело к беде. Проходя учebu далеко от линии фронта, мы как-то забыли о немецкой авиации. Здесь, вблизи от передовой, она быстро напомнила о себе.

Появилась пара остроносых истребителей с крестами и свастикой. Точнее сказать, они не появились, а пронеслись. Это были «Мессершмитты-109». Они сбросили несколько небольших бомб на полуразрушенное село, обстреляли его из пушек и пулеметов. Мы кинулись кто куда, стены из кирпича-сырца и остатки крыши были плохой защитой.

Спустя десяток минут уже более низко пронеслась еще одна пара «мессеров». На наш коровник сбросили две бомбы килограммов по двадцать пять. Взрывы были оглушительные, а фонтаны мерзлой земли, обломков и дыма взметнулись метров на полста, не меньше. Что удивительно, я не заметил при взрывах огня. Оказывается, при солнечном свете он незаметен.

Нам досталось несколько длинных очередей, и «мессер-

шмитты» улетели. Какое-то время лежали, затем ротный Зайцев стал обходить помещение. Из наших никто не погиб, даже не был ранен. Одна бомба взорвалась в стороне, другая совсем рядом, обвалив метра четыре стены.

– А мы здесь кипятку хотели сварганить, – растерянно проговорил кто-то из бойцов.

– Он бы тебе сварганил! Завалило бы кирпичами, и могилы не надо.

День тянулся медленно. Кормить нас никто не собирался. Капитан, представитель дивизии, ушел в село и не появлялся, предупредив, что тронемся в путь с наступлением темноты. Зайцев со старшиной сходили нашли его и выбили для нас несколько больших буханок серого, плохо пропеченного хлеба и увесистый комок говяжьего жира.

Хлеб был вязкий, как глина, а жир вонял коровьей шкурой. Мы были рады и этому. Досталось понемногу, но хоть желудки перестали урчать.

Сильно подмораживало. Чтобы немного согреться, мы с Федей Долгушиным шатались взад-вперед по коровнику, говорили о всякой всячине, вспоминали довоенную жизнь, которая, оказывается, была не такой и плохой. Федя жил в Саратовской области в небольшом селе.

– Я речку нашу вспоминаю, – рассказывал он. – Карамыш называется. Небольшая, лесок вокруг. Мы летом в детстве там целые дни проводили. Окуней, плотву ловили, иногда голавли попадались. Неплохо жили. Колхоз животноводством

занимался, трава степная, хорошая. Невеста у меня была, Таней звали. А с ноября ни одного письма, и мать молчит о ней. Наверное, другого нашла.

— У вас с ней что-нибудь было? — спросил я.

— Нет, конечно. У нас до свадьбы с этим строго. А Татьяну вспоминаю, она не слишком ко мне тянулась. Я на колхозной кузне работал, болванки по три пуда играючи ворочал. На соревнованиях по гилям и городкам всегда первые места занимал. Вроде как самый сильный из парней в селе считался. Со мной взрослые мужики, даже напившись, связываться боялись. Мог одним ударом с ног свалить, хотя драться не любил. Ну, а Таньке льстило, что я с ней хожу. Хотя семья у нас бедновато жила. Отец болел, малышни полный двор. Но батя — молодец, дал мне семь классов закончить.

И я, и Федя Долгушин были тогда младшими сержантами, командирами расчетов ПТР. Но если Федя, физически крепкий, был уверен в себе, то мой второй номер Гриша Тищенко совсем не напоминал «истребителя танков» — как мы себя иногда гордо именовали.

Был он добродушным парнем с оттопыренными ушами, наивный, моложе нас всех. Хотя слабаком его не назовешь — жилистый, выносливый, но уверенности ему не хватало. Обкатку танками он прошел со скрипом, дергался, явно боялся и не попал в цель гранатами. Выпустили Гришу, как некоторых других курсантов, всего лишь рядовым красноармейцем.

Гришу это не очень задевало. Он воспринимал жизнь просто: вырос в многодетной семье, недоедал и призыв в армию, военную форму воспринимал как большой шаг в жизни. Был он покладистый, бесхитростный, и мы с помощником быстро сдружились. Я почему-то был уверен, что в бою он не подведет. Хотя ловил себя на мысли, что не следует переоценивать себя. Неизвестно, как я сам выдержу будущие испытания.

Лишь к вечеру явился капитан из дивизии и сразу затопил нас. Сам он отдохнул, выспался, и от него хорошо пахивало водочкой. Мы же все намерзлись, были голодные и устали еще больше от бесцельного хождения, чтобы окончательно не поморозиться. Но капитана это заботило мало. Наплевать, что некоторые из ребят уши, щеки отморозили. Лишь бы довести нужное количество людей до места.

– Живее, живее, – торопил он нас. – Чего копаетесь?

– Сам бы на морозе день провел, – буркнул старшина Савелий Гречуха. – По-другому бы пел.

– Ты как разговариваешь с капитаном? А ну, смирно!

Савелий был своеобразной личностью. Было ему лет тридцать с небольшим, но казался он значительно старше. Низкорослый, с горбатой широченной спиной, много мотался по стране, бывал даже на Сахалине. Говорят, сидел в тюрьме, а спину искривил, таская с тринадцати лет тяжеленные мешки на мельнице.

На выкрики капитана Савелий не реагировал, а умело и быстро запрягал лошадь. Капитан побурчал и замолк. У Гречухи были белесые глаза и тяжелый, как те мешки на мельнице, взгляд. Казалось, старшина носит в себе что-то скрытое и опасное, хотя с бойцами он вел себя нормально.

В сумерках миновали село. Увидели перевернутый танк БТ-7. Точно такой, которыми нас обкатывали. Издалека он казался целым. Но, проходя мимо, мы увидели, что башня сплющена, броневые листы в лобовой части лопнули. Снег вокруг пропитался вытекшим из двигателя маслом.

Шагах в десяти виднелась большая воронка. Видимо, «бэтэшку» перевернуло взрывом тяжелой авиабомбы, но он почему-то не загорелся, хотя легкие танки работают на бензине.

– Сильные взрывы иногда гасят огонь, – ответил на мой вопрос Зайцев. – Но машину уделало крепко. Ребят покалечило, а может, и убило.

Действительно, с другой стороны был насыпан могильный бугорок с табличкой и жестяной звездой. Танкиста (или танкистов) похоронили прямо на улице, в десяти шагах от жилого дома. Это нас удивило. Казалось, что погибших воинов должны хоронить как-то особенно – на площади или холме.

А тут окраина села, улица, разный мусор и глубокая канава. Если весна будет дружной, то бугорок и табличку со звездой просто снесет талой водой. Наверное, так подумали многие, но вслух никто ничего не произнес. Мы были голод-

ные, болели натертые ноги и плечи, а вдали слышались отзвуки канонады. Там взрывались снаряды, и туда шли мы.

В полку нашу роту быстро и бесцеремонно поделили на несколько частей. «Раздергали боевое подразделение», – как с горечью выразился Зайцев.

Я его понимал. Он старательно сформировал роту, способную бороться с вражеской бронетехникой. Лично комплектовал расчеты противотанковых ружей, учил не только стрельбе, но и многим особенностям борьбы с немецкими танками. Личный состав, включая пулеметчиков, прошел тренировки по метанию гранат, знал, как пользоваться бутылками с горючей смесью, от которых шарахались бойцы стрелковых полков.

Словом, он создал полноценное боевое подразделение. В роте имелись три огневых взвода, хозяйственное отделение, старшина, санитары, и даже своя комсомольская организация.

Наш новый командир полка майор Рекунков порезал, поделил роту и взводы. Выделил на каждый батальон по шесть-семь расчетов ПТР вместе с пулеметчиками, а там их разделили между ротами. Оставшиеся несколько расчетов, два станковых пулемета и наши повозки он оставил в резерве возле себя. Там же обязан был находиться, неизвестно в каком качестве, старший лейтенант Зайцев.

– А как же рота? – стоя перед командиром полка, спрашивал он. – Я ведь за нее отвечаю. Чего мне делать в штабе

за два километра от своих людей?

Майору не понравились эти слова насчет двух километров. Для штаба стрелкового полка это было далековато. Много за две версты наруководишь! Но была у наших больших начальников такая привычка отодвигать штабы со всеми прихлебателями и своими ППЖ подальше от передовой. Там, где можно спокойно отсиживаться в блиндажах с несколькими перекрытиями и разрабатывать планы сражений.

– В полку за все отвечаю я, – властно объявил Рекунков. – Не переживай, старлей, без дела не останешься. Здесь, кроме штаба, санчасть располагается, склады, тяжелая минометная батарея, гаубичный дивизион. Немецкие танки внезапно прорвутся – кто главный командный узел защищать будет?

– Гаубицы на что? – зло поджал губы наш ротный, который не любил пустой болтовни. – Если их недостаточно, оставьте здесь командира взвода, а меня с бронебойщиками отправьте.

– Мне лучше знать, кого где оставлять, – еще более неприязненно заявил майор. – Или вы до сих пор дисциплине не научились? Пора бы. Сколько лет служите?

– Одиннадцать.

– И все в лейтенантах ходите? Понятно мне. Возможно, отдельной ротой вам еще рановато командовать.

При этих словах комиссар полка усмехнулся и согласно кивнул.

Комполка Рекункову было лет тридцать, ровесник Зайцева, но шагнувший куда выше по служебной лестнице. Был он крепко сбитый, рыжеволосый, в полушубке с трофейным пистолетом в кобуре. Еще Рекунков носил усы и бинокль. Наверное, думал, что похож на Чапаева. Комиссар был чернявый, излишне грузный, даже толстоватый, и без конца усмеялся неизвестно чему.

Вот так нас приняли в полку.

Справедливости ради скажу, что хотя мы были недовольны таким оборотом, но майор поступил логично. В полку имелось всего две артиллерийских батареи: 45-миллиметровые противотанковые пушки и легкие короткоствольные «трехдюймовки», мало пригодные для борьбы с танками, особенно средними и тяжелыми.

Три гаубичных батареи 122-миллиметровых были дивизионного подчинения, их в любой день могли перебросить на другой участок. Так что шесть «сорокапятков» и четыре легкие «трехдюймовки» были просто не в состоянии перекрыть в случае танковой атаки четыре километра позиций, которые удерживал стрелковый полк.

Прибытие целой роты противотанковых ружей с обученными расчетами стало для майора Рекункова неожиданным подарком.

Наше отделение из шести человек попало в шестую роту второго батальона, Федя Долгушин – в пятую роту. И вот спустя три-четыре дня состоялся наш первый бой, в котором

мы понесли первые потери. Погиб командир отделения Миша Травкин, с которым мы учились с первых дней, были друзьями и знали все друг о друге.

Как и опасался Рекунков, гаубицы у полка забрали и перекинули на другой участок. Кажется, обещали через пару дней вернуть или заменить другими орудиями. Немцы, видимо, засекли отсутствие дивизиона и ждать не стали. В тот период шли бои местного значения. Пользуясь преимуществом в бронетехнике, немцы сразу предприняли танковую атаку.

Ударили в центр полка, так как фланги худо-бедно были прикрыты артиллерией. Обрушив короткий, но интенсивный артобстрел, пустили полдесятка танков, пушечный бронеавтомобиль и несколько бронетранспортеров с десантом. В случае прорыва довольно жидкой обороны готовились подключить дополнительные силы. Людей своих фрицы берегли. Грузовики с пехотой стояли в отдалении, ожидая сигнала.

Но прорыв немцам не удался и был отбит. Не скажу, что основную роль сыграла наша рота ПТР, но свой вклад мы внесли. Отделение Долгушина и две подоспевшие «сорокапятки» подбили один из танков Т-3, а Зайцев поджег из самозарядного ружья Симонова тяжелый разведывательный бронеавтомобиль «Бюссинг».

Мне похвалиться было особо нечем. Но все же одной из

пуль я повредил легкий танк Т-38, а пушкари его доби́ли. Отогна́ли дру́жным огнем второ́й танк, а пя́тая и ше́стая роты отби́ли атаку десанта.

Впро́чем, это насту́пление было так себе, что-то вроде разведки боем. И де́ло, возмо́жно, было не в том, что у нас забра́ли гауби́чный диви́зион. По́лк почти ме́сяц не выхо́дил из боев, упо́рно продо́лжалось нача́тое в де́кабре под Моско́вой насту́пление.

В ротах оста́лись по 40–50 челове́к, мно́гими взводами ко́мандовали сержанты. По́этому да́же тако́й немно́гочисленно́й атако́й немцы впло́не мо́гли доби́ться успе́ха: перебро́сить до́полнительные си́лы, смя́ть и уни́чтожи́ть по́лк.

Майо́р Реку́нков воспри́нял это пре́дупрежде́ние бо́лее чем се́рьезно. По́ всей ли́нии обо́роны ры́ли окопы. Нача́лся мино́метный обстре́л, кото́рый за ча́с вывел из стро́я бо́лее де́сятка челове́к и разби́л одно́ из ору́дий. Ко́гда прекрати́ли сы́паться ми́ны, рабо́ты продо́жили.

Компо́лка вы́звал к себе́ Зайце́ва, нали́л в кру́жку водки. Мно́го че́го пови́давший ко́мандир роты, ни о че́м не спра́шивая, выпил водку́ двумя́ глотка́ми и ста́л сворачи́вать самокру́тку.

- Закуси, – показав на откры́тую банку́ туше́нки Реку́нков.
- Не хо́чется.
- Что, самолю́бие?
- Просто́ не уве́рен, мо́их лю́дей покорми́ли или они го́лодные си́дят. Они же вроде́ прикомандиро́ванны́ми счита́-

ются.

– Не дури. Все поставлены на довольствие. А роту по частям раскидал от большой нужды. Сам видишь, сколько у нас артиллерии. Девять пушек на четыре километра обороны осталось.

Понемногу разговорились.

– Ну, как тебе бой? – после паузы спросил майор.

– Повезло, что средних танков всего два было. Пустили бы пяток, раздавили бы всех к чертовой бабушке. Я смотрел, лобовую броню фрицы миллиметров до сорока усилили по сравнению с прошлым летом. Из наших ружей ее только за сто метров пробить, а они сразу из пушки и двух пулеметов лупят. За километр башку не дают поднять.

– Твои неплохо действовали.

– Чего там, – отмахнулся старший лейтенант. – Стреляли... мазали... иногда попадали.

– Ну вот что. Оставишь при штабе тройку ружей на всякий случай. Остальные забирай и шагай сам на передний край. В пятой роте командир совсем мальчишка, будешь из его командного пункта руководить. Вырой дополнительные окопы, щели для укрытия.

– Есть, – козырнул Зайцев.

– Хотел поближе к фрицам быть, вот и будь. Получи дополнительно гранаты и бутылки с горючей смесью.

– Артиллерии мало. Если пустят тяжелые Т-4, не отобьемся.

– Из дивизии обещали вернуть гаубичный дивизион или батарею. Пополнение не сегодня завтра получим. Наверняка сопливое. Но уж какое дадут. Ладно, иди.

Весь день немцы вели минометный обстрел, мешая укреплять позиции. В этот день я впервые услышал поговорку, которую запомнил хорошо. Пожилой солдат Черников Филипп Авдеевич, лет сорока пяти, присев в недорытую траншею, соединяющую окопы, сказал:

– На войне самое паршивое – это мины, вши и бомбежка.

Вшами мы только начали обзаводиться, бомбежкой нас лишь слегка напугало, а вот минометный обстрел вытягивал все жилы.

Я тоже присел рядом, мы закурили. Если до этого мины летели редко, то сейчас взрывы следовали один за другим. И били, как мне казалось, прямо по нам.

Мины звенели, набирая высоту, затем этот звон замирал. В самой верхней точке мина на секунду застывала, и начиналось падение на цель с противным, выматывающим душу воєм.

Рвануло метрах в двадцати, затем поближе. Мы прижались к стенке траншеи, под бок подsunулся мой напарник Гриша Тищенко. На головы посыпались небольшие комья земли и смерзшегося за ночь снега. Комок размером с хороший кулак разбился о каску помощника. Гришка ойкнул, хотя под каской носил шапку-ушанку, вряд ли удар причинил ему боль. Просто нас всех не отпускал страх.

Полчаса назад санитары пронесли мимо тело одного из бойцов. Ему по колено оторвало одну ногу, а вторая была изорвана и смята. Сознания он не потерял, хватал руками санитаров и выкрикивал:

– Куды несете? Я вас спрашиваю?!

– В санчасть, а оттуда в госпиталь.

– Почему больно так?

– Лежи ты молча, – огрызнулся один из санитаров, прибавляя шаг.

Мина обрушилась на них, и санитар, видимо, в последний момент услышал ее. Выпустил ручки носилок, шарахнулся в сторону, но не успел. Мина калибром 81 миллиметр подбросила, перевернула его. На снег шлепнулось мертвое тело, сплошь издырявленное осколками. Раненого тоже добило. Уцелел лишь второй санитар, убегавший прочь, видимо, крепко контуженный.

И вот сейчас мы ожидали, что подобное может случиться с нами.

– Сидите спокойно, ребята, – неторопливо говорил Черников. – Мины ложатся на позиции, а мы немного впереди.

Мое отделение усилили и переформировали. Теперь со мной был Федя Долгушин, еще один расчет ПТР и Родька Шмырёв со своим «дегтяревым». Нам приказали выдвинуться шагов на полста вперед, вырыть окопы для стрельбы и соединить их траншеей. Вместе с нами окапывалось отделение Черникова.

Пятьдесят шагов – ерунда. Но мы невольно чувствовали себя оторванными от общей цепи. Решили, что здесь, на склоне, среди редких кустов, у нас будет лучше обзор, а танки мы будем обстреливать сверху вниз. Решение принял командир второго батальона, в который входила шестая рота. Зайцев согласился, что это разумно, а лейтенант Ступак, как всегда, бурчал.

Дело в том, что рота окопалась на гребне. Землянки, в том числе неплохо укрепленная землянка Ступака, располагались на тыльной стороне холма. Обзор из них был никудышный, зато защищал гребень. Теперь роту частично передвинули вперед. Мы отлично видели нейтралку, пятьсот-шестьсот метров снежной равнины, но стали более уязвимыми для огня противника.

Нейтральная полоса, покрытая воронками, представляла тягостную картину. Среди закопченного весеннего снега вытаивали тела красноармейцев, погибших в зимних боях.

Посреди поля, среди жидкого проволочного заграждения, застыли две сгоревшие «тридцатьчетверки» и легкий Т-26, разваленный взрывом на две половинки. Если присмотреться, можно было увидеть обгорелые останки танкистов – некоторые разорванные на части. В голову невольно лезла мысль, что не сегодня завтра полк снова поднимут в наступление и кто-то из нас ляжет рядом с ранее погибшими. На таком ровном поле от пуль и мин не спрячешься.

Ближе к нашим позициям еще дымили сгоревшие тан-

ки Т-3, Т-38 и массивный восьмиколесный броневомобиль «Бюссинг». Возле них лежало несколько убитых фрицев. Это отчасти поднимало настроение – сражались мы не зря.

Минометы вели огонь редко, зато нас старательно пытались подловить два дежурных пулемета МГ-34, открывая стрельбу, едва кто-то неосторожно высывался. Мы к ним вскоре привыкли, и головы под пули не подставляли.

Принесли обед: капустный суп (только не щи!) с очень кислой размякшей капустой и пшенкой вместо картошки. Мелкие кусочки жилистого мяса были подозрительно темного цвета, наверное конина. Налили граммов по сто двадцать разбавленного спирта, отметили успешную стрельбу. Хлеба досталось по увесистому ломтю, но Черников посоветовал:

– На вечер половину оставьте. Все сразу не ешьте. Фрицы что-то зашевелились, ужина может и не быть.

– Думаете, удар затевают? – спросил Родька Шмырёв.

– Вполне возможно. Снег и земля еще не раскисли, техника пройдет. Да и стрельбу что-то прекратили, словно выжидают.

– Пусть полезут, получают еще, – самоуверенно заявил Родион Шмырёв.

– Ты за «дегтяревым» получше следи, – осадил я пулеметчика. – Снова заест, как в прошлый раз, и будем кулаками махать.

– Больше не заклинит. Я все в порядок привел.

Мой заместитель Федя Долгушин тем временем вел нето-

ропливый разговор с сержантом Черниковым, воевавшим с германцами еще в прошлую войну.

— Порядок у них, дисциплина, — рассуждал командир отделения, годившийся нам всем в отцы. — Блиндажи как следует строят, в траншеях настилы. В грязи не утонешь. Да вон гляньте хоть сейчас. Все в касках, с противогазами. А вы чего каски снимали?

— Чего лишнюю тяжесть таскать? В пятой роте парню осколком башку вместе с каской насквозь просадили. Да не пулей, а осколком. Жестянка есть жестянка.

— У немцев каска потолще, — согласился Черников. — Но когда шапка под ней, то мелкие осколки удержит. И башку не разобьет, если взрывной волной ударит.

— У них и пулеметы бьют, как звери, только что не рычат, — продолжал рассуждать Шмырёв.

— «Максим» тоже неплох.

— Где они, «максимы»? — дожевывая хлебную горбушку, отмахнулся Федя. — Их за километр не спрячешь. В шестой роте, кажется, один остался, да и то кожух весь перелатанный. Один пулеметчик стреляет, другой воду доливает, чтобы ствол не перегрелся.

К ночи мы вырыли окопы, осталось лишь углубить траншею. лейтенант Ступак, из вредности или какой-то особой необходимости, приказал мне с тремя бойцами отделения (а всего нас было восемь) ночью дежурить. Из отделения Чер-

никова оставили лишь дежурного пулеметчика – у них тоже был «дегтярев».

– Зачем столько много? – не выдержал я. – Пусть ребята в тепле поспят.

– Вы теперь наше противотанковое боевое охранение, – с усмешкой объявил ротный. – На вас главная надежда.

Кажется, он был выпивши. Мне с ребятами водку в ночь пить не разрешил.

– Задрыхните, как сурки. Утром выпьете.

Вскоре пришел наш командир роты ПТР Зайцев. Жаловаться ему, что половину отделения оставляют ночью дежурить, я не стал. Зачем хорошего человека с чурбаном сталкивать? За ротные позиции отвечает Ступак, хоть и спит с землянке за гребнем, откуда ничего не видно.

– Ребята, – дельно подсказал старший лейтенант, – курите осторожно. Этим байкам, что фрицы по расписанию воюют, не верьте. Самокрутку за километр разглядят. Пулеметы у них пристреляны точно, влепят очередь, – мозги вышибут.

– Из ПТР можно ответить? – спросил я.

– Нежелательно, – подумав, ответил он. – Если что, долбаните из «дегтярева».

Федя Долгушин, мой заместитель, уходил отдыхать с чувством какой-то вины.

– Если хочешь, Андрюха, я с тобой останусь.

– Не надо. Отдохните, как следует, а мы завтра поспим.

Долго длилась война, и ночей таких бессонных хватало.

Но эта мартовская ночь мне запомнилась. Дул легкий ветерок, четвертушка луны куда-то спряталась, небо светилось от крупных звезд и десятков созвездий.

За горизонтом вспыхивали зарницы, но звука выстрелов или взрывов слышно не было. Немцы довольно часто пускали ракеты. В том числе, долгоиграющие «люстры» из минометов. Эти фонари заливали все вокруг неживым белым светом. От подбитых танков ползли черные тени, я видел поблескивающие каски наших погибших солдат. С немецкой стороны изредка раздавались пулеметные очереди. Одна прошла совсем рядом, смахнув верхушки кустов.

Время от времени прилетали мины. Взрыв, через четверть часа – другой. Это был редкий, так называемый будоражащий огонь. Люди просыпались и долго не могли заснуть снова. Казалось, что следующая мина прилетит в их землянку. Ко мне переполз Родион Шмырёв:

– Можно я с тобой посижу, Андрюха?

– Устраивайся.

Осторожно закурили. Родька рассказал, что закончил в Челябинске девять классов, работал на заводе. Осталась невеста – хотели пожениться, но не успели.

– Вот и оставил я ее не девкой и не женой.

– Переспали, что ли?

– Ну. Даша сама настояла. До утра не спали. Думаю, повторить еще разок – и умирать не жалко.

Меня задело, что невидный из себя, еще совсем молодой

Родька Шмырёв, уже знает, что такое женщина. А я ничего не успел. Была возможность с соседкой побыть – не решился.

– После войны поженимся, – вздохнул Родион.

Я промолчал. Заметил, что Шмырёв приполз ко мне без своего пулемета. Не иначе как от ревности я зашипел на него.

– Ты почему оружие оставил?

– Да здесь всего пять шагов.

– Забыл, что мы на войне? – продолжал поучать я своего товарища и подчиненного.

– Сейчас уйду, – с досадой огрызнулся Родион.

Но я уже опомнился. Стало стыдно, что человек мне самое сокровенное рассказывает, а я нравоучения читаю.

– Оставь самокрутку и сползай за «дегтяревым».

Родька кивнул, и через пару минут мы снова сидели вместе.

– Невеста не беременная?

– Нет. Не успели.

– Наверстаете еще.

Немцы оживились. Вперехлест шли разноцветные трассы, взлетели несколько ракет. Особенно старался один из пулеметов. Я не выдержал:

– Родя, влепи по нему пару очередей.

Влепили. Зеленые трассы, изгибаясь дугой, исчезли в темноте немецких позиций. В нашу сторону заработали сразу два «машингевера». Пули свистели, стегали по кустам, рикошетили от мерзлой земли.

– Наверное, в кого-то попал, – предположил Родька. – Вон как бесятся.

– Наверное, – поддержал я товарища, хотя сомневался, что с пятисот метров он мог в кого-то попасть. Разве что случайно.

– Пусть фрицы знают...

Его голос прервал мощный взрыв. Потом еще и еще. Немцы выпустили штук шесть тяжелых гаубичных снарядов. Позади слышались тревожные крики, кажется, кто-то стонал.

Тихая мартовская ночь (если не считать пулеметной трескотни) закончилась печально. Гаубичный снаряд разнес землянку саперов. Ребятам отчасти повезло, что большинство отослали куда-то на задание. Но два человека были завалены землей и бревнами. Когда мы их откопали, они уже не дышали.

Лейтенант Ступак поднял донышко гаубичного снаряда с торчавшими зубцами и различил несколько русских букв. Подошел еще кто-то из командиров и определил:

– Родной снаряд, 122 миллиметра. Из наших захваченных пушек по нам садили.

– Может, свои, по ошибке?

– Хрен тебе! Мало орудий немцы захватили? Вот, опробовали на наших шкурах.

Полк получил пополнение, человек семьсот бойцов. Вернули гаубичный дивизион, дали еще какую-то артиллерию

и минометы. И сразу пронесся слух о наступлении. Когда представил, как придется бежать через голое поле с двумя сгоревшими «тридцатьчетверками», стало не по себе.

– Неужели и мы с нашими дурами в атаку побежим? Наверное, с места поддерживать пехоту будем, – рассуждал ефрейтор из расчета Долгушина.

– Дождись, оставят тут тебя за полкилометра, – ответил кто-то из ребят. – Ворон, что ли, пугать?

Ветеран двух войн и самый старший по возрасту в шестой роте, Филипп Авдеевич Черников задумчиво смотрел на искрящийся, свежевыпавший снег. Он-то хорошо знал, что в лобовую атаку пойдут все, и дай бог, если половина уцелеет. Случалось, что из целой роты по два-три человека оставалось. Не принято в Красной Армии потери считать. Вперед, за Родину, а сколько добежит – неважно.

– Рота ПТР тоже в атаку пойдет? – невольно вырвался у меня дурацкий вопрос.

– Наверное. Вначале огнем пехоту будете поддерживать, а потом и вас поднимут.

Пришел озабоченный командир роты Тимофей Зайцев. С ним были старшина Савелий Гречуха и боец из хозотделения. Принесли боеприпасы, гранаты, бутылки с горючей смесью. Я получил автомат ППШ с запасным диском и коробку патронов, сто штук.

– Наступление? – вырвалось у меня.

– Такие штуки держатся в секрете. Но не исключено.

– Нам-то что делать? Тоже бежать со своими ружьями? Дай бог, пешком это поле одолеть.

– Жить захочешь – быстро одолеешь, – жестко отозвался старший лейтенант. – И смотри, чтобы никто не вздумал филонить!

– Ясно.

К вечеру мы не сомневались, что предстоит наступление. Или атака. Называй, как хочешь. На передний край выполняли штабники со стереотрубами, разматывали провода связисты. Рядом с нами пристроился артиллерист-корректировщик.

Вскоре прошел слух, что атака состоится на рассвете. От души немного отлегло – впереди еще одна ночь. Может, «катюши» подвезут, авиация ударит. Да и танков что-то пока не видно.

Я видел, как готовился к завтрашнему дню Филипп Авдеевич Черников. Переоделся в телогрейку с двумя подсумками на поясе. Гранаты лежали наготове. Из вещмешка выгрузил лишнее барахло, сложил туда боеприпасы.

Немцы догадывались и тоже нервничали. То принимались стрелять из пулеметов, то сыпали десятками мины. В тыл унесли нескольких убитых и раненых. Лейтенант Ступак подошел ко мне, отвел в сторону и, положив руку на плечо, сообщил:

– На рассвете все начнется. Я на тебя, Андрюха, надеюсь. Когда наши в атаку побегут, стреляйте по огневым точкам.

Тут дзот напротив и бронеколпак. Если артиллерия промахнется, лупи по ним, не жалея патронов.

– Не пожалею, товарищ лейтенант.

– Если все нормально сложится, то медаль «За отвагу» твоя. И ребят не обижу. В атаку побежишь, когда наши к проволочным заграждениям приблизятся. Присмотрите заранее укрытия и продолжайте вести огонь с нейтралки.

– Уже присмотрели, – кивнул я.

Суматошный день и вечер пролетели быстро. Однако спокойно поспать ночью нам не дали свои же красноармейцы, которые с вечера начали перебегать к немцам. Дежурили в ту ночь все командиры рот и взводов. Позже я узнал, что такое заграждение практиковалось перед каждой атакой.

У некоторых красноармейцев не выдерживали нервы, зная, как бездумно, в лоб, гонят роты в лобовые атаки. Будучи уверены, что завтра они неизбежно погибнут, принимали решение – лучше уж сдать германцу. По крайней мере, в живых останешься. Бежали чаще парами или поодиночке, держа перед собой листовки – пропуска. Перебежчики боялись и немцев, и наших. Помню, кричали: «Сталин капут! Сдаемся», – и даже выучили немецкую фразу «них шиссен» (не стреляйте).

Немцы действительно в них не стреляли, даже показывали проходы в колючей проволоке. Наши командиры чаще всего вели огонь по ногам или над головой, чтобы развернуть беглецов обратно. Но некоторые расстреливали дезертиров без

всякой жалости.

Ротным и взводным командирам грозил за беглецов трибунал. Пулеметчики злились, что за их счет самые продуманные хотят отсидеться в безопасности. Играла свою роль и ненависть к предателям.

Так или иначе, в ночь перед наступлением только на участке нашего батальона перебежали трое, а еще два человека остались лежать в снегу, пробитые пулеметными очередями. Еще двое-трое бесследно исчезли, скорее всего, они дезертировали.

Много или мало, судите сами. Но для нас, бывших курсантов, эта сторона войны стала полной неожиданностью. Такого количества беглецов и дезертиров мы не ожидали. Молодежь, конечно, возмущалась. Но, признаюсь откровенно, что в отдельных репликах я улавливал даже сочувствие к беглецам. Мол, на верную смерть гонят людей, вот и бегут. Ощущалась невидимая стена между командованием и рядовыми бойцами. Бежали от страха и от безысходности.

Не хочу долго обсуждать эту тему. Много позже, узнав огромную цифру пленных (в том числе перебежчиков), я не раз задумывался о причинах. Не могли же три миллиона человек сдать в 1941 году просто так. И крути не крути, а спрашивается ответ: многие не хотели воевать, чего-то ждали от немцев. В общем, сложный это вопрос – и ответить на него трудно.

Скажу только, в чем уверен. Хорошо помогли немцам кол-

хозы, в которые силком загнали почти всех крестьян, а несогласных выселяли из родных мест, ссылая порой на край света. Не зря позже, когда мы вошли в Европу, то почувствовали: люди там этих колхозов как огня боялись. Перебегали и дезертировали те, кто еще с Гражданской имел счета к советской власти, ну и, конечно, самые трусливые, которые спасали свои шкуры. Не в обиду будет сказано, бежали выходцы из Средней Азии, Кавказа. Война казалась им чужой и ненужной.

Перед рассветом старшина шестой роты раздавал водку. Меркой ему служила объемистая алюминиевая кружка, куда он на глазок наливал из десятилитрового термоса.

– Торопитесь, подешевело, – весело выкрикивал старшина.

По бульканью я понял, что наливают от души. Граммов по сто пятьдесят, а то и больше. Большинство пили не закусывая, лишь смолили сигарки. Были такие, кто не пил. Они тоже не ели, и термосы с мясной кашей остались нетронутыми. Люди боялись ранений в живот и шли в бой с пустым брюхом, так издавна считалось безопасней.

Вскоре бидон опустел. Тем, кому водки не хватило, старшина доливал из фляжек, которыми был обвешен его помощник. Рота вместе с новичками насчитывала человек сто. Мои бронебойщики пили немного. Обращение с тяжелым оружием требовало трезвой головы. Да и вообще, все это за-

дурманивание накануне атаки было противно. Хотя я понимал, что без хорошей порции водки людей поднять в атаку будет труднее.

Мы занимали свои места в окопах под гул возбужденных, быстро пьяневших бойцов (особенно молодых) и грохот начавшейся артиллерийской подготовки.

– Нельзя так пить, – торопливо говорил Родион Шмырёв. – Они же ничего не соображают.

Я его почти не слышал. Притянув за ворот шинели, крикнул на ухо:

– Не мудри, грамотей. Им и не надо много понимать. Пробежать поле, не останавливаясь, и ворваться в траншеи. А иначе не поднимешь.

Немецкие позиции окутались дымом. Взрывались снаряды, мины, что-то вспыхивало, поднимались фонтаны земли. По сигналу зеленой ракеты началась атака. Поле стало словно живым, превратилось в сплошную шевелящуюся массу. Как я понял, наступали при поддержке нескольких танков все три батальона.

– Танки... танки... они им сейчас дадут.

Грохот наших орудий и минометов утих. Люди бежали в основном молча. Лишь отдельные бойцы выкрикивали «За Родину! Ура!» или матерились. Молчали, чтобы сберечь силы и быстрее пробежать поле. Стрелять тоже никто не стрелял, хотя всем предписывалось вести огонь из личного оружия.

Зато бегло хлопали орудия «тридцатьчетверок», строчили танковые пулеметы. Немецкие позиции поначалу молчали, затем в разных концах засверкали вспышки.

Остановился один танк, остальные прибавили ходу. Усилился огонь немецких пулеметов, то в одном, то в другом месте падали люди.

Все три моих расчета и «дегтярев» Родьки Шмырёва дружно стреляли. Противотанковое ружье работает быстро. Сильный удар отдачи, лязг затвора, выбрасывающего гильзу, и мой помощник Гриша Тищенко уже вставляет в казённый новый патрон.

Наши трассеры – зеленого цвета. Они за полсекунды пронизывают поле, исчезая в дымящихся немецких укреплениях. Это стрельба наугад, толку от нее мало.

Возле проволочных заграждений взрывается на mine и вспыхивает «тридцатьчетверка». Саперы возились там всю ночь, но мины, конечно, остались. Я вспоминаю инструкцию и даю своим команду:

– Вперед!

– Куда вперед? – крикнул второй номер из расчета Федора Долгушина, тот самый ефрейтор, который говорил, что нас перебьют, едва высунемся. – Глянь, сколько мертвецов валяется!

– Лежат, а не валяются! – крикнул я в ответ.

Вдвоем с Тищенко подхватили ружье. На плече болтался автомат, ремень оттягивали подсумки, за спиной – веще-

шок с боеприпасами. Как побежишь с таким грузом?

Все же приспособились, побежали. Тяжелое ружье раскачивалось не в такт. Спотыкался то я, то Гриша. Вот и первые убитые. Протаявший от крови снег, задранные шинели, смерть раскидала людей как попало.

Навстречу брели двое раненых, опираясь друг на друга.

– Как там? – на секунду остановившись, спросили мы.

– Как всегда, – отозвался один из них. – Бьют нас в лоб, а мы никак не поумнеем.

Второй, с подвязанной челюстью, согласно кивнул. Говорить он не мог.

Погибших стало попадаться больше, и отчетливо слышался свист пуль. Пока летящих высоко над головой, шальных. Но скоро и нас возьмут на прицел. Возле давно сгоревшей «тридцатьчетверки» сидели и лежали еще несколько раненых. К танку кинулся один из наших расчетов, имя командира-сержанта я не запомнил. На него заорали, даже направили ствол винтовки:

– Куда прешь? Всех угробить хочешь?

Но сержант с помощником уже пристраивал свое ружье возле опрокинутой башни. Федя Долгушин показал мне на старые окопы. Другого укрытия поблизости не было, а стрельба усиливалась. Наши расчеты держались вместе. С «дегтяревым» на плече не отставал Родька Шмырёв со своим вторым номером. Дружно прыгнули в ближние окопы.

Шагах в сорока горела «тридцатьчетверка», ветер тащил

маслянистый шлейф дыма. Может, это дымовое прикрытие и помогло нам добраться до старых окопов невредимыми. Снег в них осел до половины, был вязким и мешал двигаться.

Мы торопливо разгребали снег, устанавливали на бруствер ружья, а Родька – свой пулемет. Окопы оказались довольно глубокими. Среди утоптанного снега валялись поржавевшие гильзы, обрывки бинтов, пробитая осколками каска. Здесь тоже в свое время воевали братья-славяне, но были отброшены. Теперь мы снова наступали. Проверили, не набился ли в стволы снег, выбрали цель и открыли огонь.

В пределах видимости (а это примерно на участке двух батальонов) атаку немцы отбили. Коптящими кострами были отмечены догоравшие танки, кажется, четыре или пять машин.

Та, которая неподалеку от нас, взорвалась. Еще одна «тридцатьчетверка» завалилась в овражек. Удивительно, что при таком наклоне не сорвалась башня. Впрочем, она уткнулась стволом в землю. Двое танкистов, выбравшись наружу, стреляли из пулемета.

Пехота тоже залегла у проволочного ограждения. Людей спасали окопы, снежные норы и тела погибших товарищей, за которые они прятались. Несколько человек вели огонь, большинство лежали, не решаясь проявлять какую-либо активность.

Их можно было понять. С расстояния ста пятидесяти мет-

ров били немецкие пулеметы, сыпались частые автоматные очереди. Иногда, кувыркаясь, вылетали гранаты с длинными деревянными ручками. Хотя и удобные для броска, они взрывались с большим недолетом, но бодрости залегшим цепям это не прибавляло.

Поднимутся люди и через сотню шагов (если пробегут) угодят под град осколков довольно сильных «колотушек» М-24. Люди медленно отползали. Там, где шевелился снег, взлетали фонтанчики пуль, красноармейцы снова замирали.

Нам с Федей Долгушиным и пулеметчиком Родькой Шмырёвым тоже не давали развернуться. После первых же выстрелов получили в ответ целый град мелких 50-миллиметровых мин и очереди из МГ-34. Две скорострельные трубы, установленные в передовых окопах, раздолбали бы нас. Но вмешались наши батальонные минометчики и накрыли оба мелких миномета.

На всякий случай мы переползли в соседние окопы, где нас отыскал ротный лейтенант Ступак. Был он весь закопченный, в помятой каске, на лице застыла струйка крови.

Отдышавшись, спросил:

– Сидите? Ну-ну. Самое время.

– Только что из-под мин выползли, – огрызнулся я.

– Вы-то выползли, а половина роты уже накрылась. Видите вон тот дзот, или очки нужны?

– Видим.

– Ну и бейте по нему. Живее! А я покурю пока.

Ничего не скажешь, смелый мужик Ступак, раз под нос фрицам забрался.

Я прицелился в дзот, сложенный из шпал, наскоро замазанных белилами. Расстояние не превышало трехсот метров. Со второго выстрела угодил в амбразуру. Гриша Тищенко тут же вставил в казённик новый патрон, но по нам хлестнул пулемет из бронеколпака. Мы одновременно нырнули в спрессованный снег.

Федя Долгушин угодил в бронеколпак одной и другой пулей. Несмотря на шум, я услышал два звякающих удара. Фрицы опустили броневую заслонку, в узкое отверстие сержант попасть не смог. Тем временем снова ожил пулемет в дзоте.

По нему, укрываясь за лежавшей на снегу башней «тридцатьчетверки», ударил наш третий расчет ПТР. В ответ последовала длинная, рычащая очередь МГ-34 (тринадцать пуль в секунду). Башня звенела от многочисленных попаданий, сверкали вспышки разрывных и трассирующих пуль.

Мы отчетливо разглядели, как отбросило попаданиями сержанта, он застыл на снегу, разбросав руки. Его помощник сдернул с башни ружье и спрятался за броней.

– Долго нам везло, – пробормотал Родька Шмырёв.

На этом наши беды не закончились. Ожил 50-миллиметровый миномет. Наверстывая упущенное, выпустил с десятков мин подряд. Один из бойцов отделения Черникова, почти мальчишка, выскочил наружу. Присел, закрывшись ру-

ками и винтовкой.

Мина рванула рядом. Филипп Черников втащил его в окоп. Парень кричал и вырывался. У него была изорвана в клочья шинель, из перебитой руки текла кровь.

– Мамоньки, убили... насмерть убили.

Несколько осколков угодило в лицо. Кровь кое-как оставили, перетянули руку. Стали искать, с кем отправить его в тыл. Федор Долгушин, стрелявший по бронеколпаку, повернулся ко мне:

– У меня напарника ранили.

– Сильно?

– В руку навывлет. Кость вроде целая.

– Пусть пока остается. У нас людей нет.

Но пожилой ефрейтор, намотав прямо на гимнастерку полотно, и затягивая зубами узел бинта, взмолился:

– Рука не шевелится, и в голове гудит... я поползу... трое детей.

– Пусть ползет. Толку с него не будет. Захвати с собой мальчишку. Дотащишь?

– Дотащу, – с готовностью кивал боец. – Не сомневайтесь.

Он довольно резво подхватил мальчика с перебитой рукой на спину и потащил в тыл. Я его понимал. Ефрейтор уже ни во что не верил и старался сохранить себя ради детей.

– Как трактор волокет, – невесело засмеялся Родька Шмырёв.

Он опустошил очередной диск и утопил ствол в снегу, ко-

торый зашипел от раскаленного металла.

– Вы с дзотом долго возиться будете? – напомнил лейтенант Ступак, хладнокровно набивая опустошенный диск своего автомата.

У тридцатилетнего лейтенанта Юрия Ступака было худощавое костлявое лицо. Каску он сбросил, оставшись в шапке со звездочкой. Серая обмороженная кожа на скулах шевелилась – он что-то бормотал, пристраивая автомат на бруствере.

Я приказал Родиону послать своего второго номера в помощь Долгушину. Ворочать и перетаскивать с места на место громоздкое ПТРД в одиночку было тяжеловато.

Дзот мы все же подожгли. Федя Долгушин с напарником проползли по низине метров сто и всадили в амбразуру несколько пуль. Пошел дым, а затем загорелись просмоленные шпалы. Немцы пытались потушить огонь, но помог своим «дегтяревым» Родион Шмырёв. Из двух ружей и пулемета выкурили расчет и открыли огонь по убегающим пулеметчикам. Ротный, убедившись, что для его ППШ расстояние слишком большое, окликнул меня:

– Ну-ка, дай винтовку, которую ефрейтор оставил. Раззява!

Ступак с первых дней войны ничего не знал о судьбе своей семьи (жена и двое детей), жившей в военном городке под Брестом. Лейтенант видел, как безжалостно бомбили эшелоны с эвакуированными. Боль от переживаний и злость на

оккупантов не покидали его.

Он метко стрелял. Не раз, обходя окопы, брал у кого-нибудь винтовку и стрелял в высунувшегося фрица, не глядя на расстояние. Метров с трехсот, как правило, не промахивался.

Сейчас он тоже свалил одного из пулеметчиков. Второго срезал из «дегтярева» Родька Шмырёв. Третий фриц из дзота успел нырнуть в кусты и уйти от точной пули лейтенанта.

– Ах ты бя! – ругнулся Ступак, высматривая новую цель.

Теперь я вел огонь по бронеколпаку. Двое уцелевших танкистов с догоравшей «тридцатьчетверки», где остались в огне два их товарища, расстреляли диски своего пулемета и кричали мне:

– Добивай его, гада!

Пуля звякнула и согнула заслонку, наполовину прикрывающую амбразуру. Для стрельбы немецким пулеметчикам осталась слишком узкая щель. Было видно, что они пытались расширить ее какой-то железякой. Мы выстрелили с Долгушиным одновременно. Одна из пуль разорвала уже вогнутую пластину и угодила внутрь.

Лейтенант Ступак воспользовался паузой (хотя вовсю вели огонь немецкие винтовки и автоматы), закричал, размахивая своим ППШ:

– За Родину, за Сталина... Вперед!

Голос сорвался, он хрипел. Но рота уже поднималась. Бы-

ло страшно, но и оставаться в снегу под носом у немцев было не менее страшно. Люди понимали, что за час – два их всех выбьют.

Фонтанами плясали на снегу частые взрывы 50-миллиметровых мин. Сноп мелких осколков ударил в лицо красноармейца. Крик обреченного человека заставил вскочить лежавших поблизости. Лейтенант Ступак бежал, стреляя из своего ППШ, бок о бок с ним наступали с десятков бойцов. Штыки их винтовок были примкнуты.

Матерясь, встали в рост закопченные танкисты. Пулемет без патронов они оставили. Бежали с наганам и «лимонками» в руках. Я разглядел нашего соседа Филиппа Черникова. Видимо, взводного лейтенанта убили, и он вел за собой весь взвод, вернее, его остатки.

Какой-то период боя выпал у меня из памяти. Я лихорадочно стрелял по вражеским вспышкам. Затем в прицеле стали мелькать шинели наших красноармейцев. Мы подхватили свои ружья и выбрались из вязкого снега.

Продираясь сквозь остатки колючей проволоки, порвал ватные штаны. Помог выпутаться Гришка. Он волок меня, как трактор, ухватившись за ствол ружья. Делая очередной шаг, увидел тело красноармейца, лежавшего на спине с открытыми ртом и глазами. Я хотел шагнуть в сторону, но не успел. Впечатал свой огромный валенок в живот лежавшему. Человек издал екаяющий звук, дернулись руки, но он был мертв – я понял это по цвету лица.

От нас не отставал помощник погибшего сержанта. На лице застыла кровь, но он упорно тащил на плече ПТР.

– Живой? – окликнул я его.

– Нормально. Башка только гудит.

Он был без каски. Из порванной ушанки торчали клочья ваты. Видно, парня зацепило, но он продолжал упорно бежать.

Уже шла рукопашная схватка. Мелькали приклады, штыки, саперные лопатки. Немецкий лейтенант, в каске и туго затянутой портупее, стрелял из пистолета и что-то выкрикивал, поднимая боевой дух подчиненных. Он в упор застрелил одного, затем другого красноармейца. Набежавший сбоку боец с силой вонзил офицеру штык в живот и подобрал пистолет.

Уцелевший пулеметчик из бронеколпака вылез наружу со своим МГ-34. Успел дать одну, другую очередь. Ротный Ступак срезал его из ППШ, пули продырявили каску и голову. Двое красноармейцев подняли пулемет. Ступак распорядился, куда его развернуть.

Нас догнал старший лейтенант Зайцев и приказал открыть огонь по грузовику с пушкой на прицепе. В кузове сидели человек семь солдат, отстреливаясь из автоматов. Грузовик – это не танк. Вместе с Федей Долгушиным мы продырявили борт, полетели щепки.

– По шинам бейте!

Одна из пуль ударила в двигатель, грузовик вильнул и

остановился. Солдаты прыгали на снег и убегали, горел мотор, вспыхнул брезентовый полог. Родион Шмырёв, забыв о предупреждениях, снова стрелял длинными очередями. Ствол задирало, и в цель он не попадал.

Подкатили «максим». Командир расчета был опытный. Старый пулемет ровно вел строчки пуль. Свалил одного, другого немца, остальные исчезли в низине. Несколько бойцов добежали до грузовика, хотели отцепить пушку, но мешал сильный жар. Тогда они стали обшаривать трупы в поисках трофеев.

Рванули снаряды в лафете, перевернув пушку. Любители добычи шарахнулись прочь. Их спасло, что калибр пушки был 50 миллиметров, а снаряды в большинстве бронебойные. Горел порох в раскалившихся гильзах, рванули три-четыре фугаса, развалив лафет на части.

Я собрал свое поредевшее отделение. Мне рассказывали, как погиб сержант, командир третьего расчета.

– В горло и в плечо пули угодили, – тыкал себя пальцем рослый парень с ямками оспин на лбу и щеках. – Наповал срезали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.